

В паутине чужих заклинаний

Автор:

Бронислава Вонсович

В паутине чужих заклинаний

Бронислава Антоновна Вонсович

Королевства Рикайна

После загадочной смерти наставницы из жизни Линды пропадает не только жених, но и уверенность в собственном будущем. Ее, непричастную к занятиям запрещенной магией, таскают на допросы и подвергают металлической проверке. Но не это самое страшное. Перед девушкой встает угроза голодной смерти: ни денег, ни работы для алхимика с Золотым дипломом нет. Но вдруг она устраивается секретарем к магу по особым поручениям. Думаете, на этом ее проблемы закончились? Нет, число загадок и недомолвок только растет...

Бронислава Вонсович

В паутине чужих заклинаний

© Б. Вонсович, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

– Не может быть, чтобы дипломированный маг не нашел никакой работы! – горячилась Эмма. – Это с твоим-то дипломом! Да любое алхимическое предприятие должно быть счастливо, что ты к ним захотела устроиться!

– Может, – устало повторила я, в какой раз – уже и не помнила. – Магическое сообщество очень зло на инору Вернер, а я ее ученица...

– А поскольку на твоей наставнице отыгаться не могут, отыгрываются на тебе, – расстроено продолжила подруга.

С этим не поспоришь. Инора Вернер на следующий день после того, как я защитила диплом, взлетела на воздух вместе со своим домом. Хорошо еще, что охранные плетения на ограде были столь сильны, что не пропустили магический всплеск наружу, а то бы пострадали близлежащие дома, да и не только они, но и весь район – очень уж мощный взрыв случился. От самого жилища остались жалкие обугленные останки, совсем непохожие на веселые желтые кирпичики, из которых был сложен дом. О прекрасном саде, тщательно лелеемом наставницей, не напоминало вообще ничего. Вряд ли жирные хлопья сажи, перекатывающиеся за забором, можно было принять за розовые лепестки. Сыскари, поначалу уверенные в несчастном случае, лениво снимали замеры, но быстро выяснили, что не все так просто. Следователь, меня допрашивающий, напирал не на нарушение правил безопасности при алхимических опытах (которыми, к слову, моя наставница дома никогда не занималась), а на использование запрещенных методик. Когда меня спросили в первый раз, я удивилась, была уверена, что неправильно поняла вопрос. Смерть наставницы оказалась для меня огромным ударом, поэтому я воспринимала все с некоторым опозданием и не всегда правильно. Но вопросы множились, и не осталось ни малейшего сомнения – речь шла об одном из тех заклинаний, что были запрещены сразу после окончания Магических Войн. Даже за распространение любого из них полагалось серьезное наказание, а уж за использование – смертная казнь. Я ничего подобного не знала и знать не могла, поэтому с легкостью согласилась на ментальное сканирование, не такую уж безвредную проверку, после которой меня подташнивало, а голова болела несколько дней. Но это не успокоило Сыск. В моей квартире, не так давно снятой и даже еще не обжитой как следует, устроили обыск, последствия которого мне пришлось разгребать целых два дня. Пожалуй, после столь грандиозной уборки комната стала даже уютнее, но теперь это было совсем неважно. Я с грустью посмотрела на легкие веселые шторы, чуть колыхавшиеся от гулявшего по комнате

сквозняка, и сказала:

– Эмми, думаю, в столице я ничего не найду. Слухи здесь распространяются очень быстро. В Гаэрре никто меня не возьмет на работу даже с моим Золотым дипломом. Попытаю счастья в провинции.

– Линди, а ты уверена, что дело в слухах? – нерешительно сказала подруга. – Вдруг тебя занесли в Список?

Список был одной из тех страшилок, которые ходили в нашем магическом кругу. Поговаривали, что те, кто в него попал, никогда не найдут работу ни в государственных, ни в частных конторах – никто не станет иметь с ними дела. Для меня этот Список всегда стоял в одном ряду с байками про Черного Алхимика, который предлагает продать душу за новый рецепт. Не так уж часто появлялись новые рецепты, а уж если появлялись, были они такими, что за душу должны давать не меньше десятка. Но такими партиями никто рецепты не придумывал, так что я пребывала в уверенности, что души наших алхимиков в полной безопасности.

– Эмми, тебе год до диплома, а ты продолжаешь верить во всякие глупости, – ответила я. – Про такое нам бы наверняка рассказали после окончания академии. Сразу после того, как мы дали клятву верности Короне.

Подруга клятву верности пока не давала, поэтому мои слова ее не убедили. Мало ли, вдруг я как раз и отрицаю, потому что дала ту самую клятву, а теперь не могу рассказать даже самой близкой подруге. Да и не так легко переубеждалась Эмми.

– А вдруг это такое тайное...

– Такое тайное, что о нем знают все? – чуть насмешливо сказала я. – Все знают о Списке, но никто его не видел.

– Может, о нем только работодателям сообщают, – возразила она. – Линди, сама говоришь, тебя даже Сноу не взял, а уж он ни к каким слухам прислушиваться не станет.

Да, Сноу был не из тех, кто пугается пустых слухов. Он присылал мне приглашение на работу. Приглашение, о котором благополучно забыл, когда я пришла к нему сама. Все возможные вакансии у него были надежно и надолго заняты.

- И все же я попытаюсь в другом городе, - уже с меньшей уверенностью сказала я.

- А Штефан? Штефан что говорит?

- Ничего не говорит. Я не видела его последнюю неделю.

Вопрос этот оказался для меня чрезвычайно болезненным. Штефан был тем, ради кого я и наводила красоту в этой квартире - хотела поразить своего мужчину умением создавать уют. Теперь мои мечты становились все более смутными и неопределенными. Виделись мы нечасто. Его тоже постоянно таскали на допросы, хоть с инорой Вернер он не общался, а только встречался со мной. Но после гибели наставницы его приходы становились все реже, пока совсем не сошли на нет. Может, Эмми не так уж и не права по поводу Списка? Если таковой есть, Штефан с ним точно ознакомился - как-никак в магистрате работает, штатным магом. И тогда его нежелание встречаться со мной совершенно понятно - маг на государственной службе не должен иметь порочащих его репутацию связей. Ему пришлось делать выбор между мной и своей службой, с хорошей зарплатой и не менее хорошими перспективами. Выбор оказался не в мою пользу. Я вздохнула. Я совсем не была уверена, что мой отъезд его расстроит и Штефан предложит переждать жизненные невзгоды, несомненно, временные, за его широкими мужскими плечами. Если он даже не посчитал мне нужным сообщить, что я попала в этот самый Список, который уже не казался мне несуществующим. Признаюсь, Эмми удалось поколебать мою уверенность.

- Мне он сразу не понравился, - категорично заявила подруга. - Как только я его увидела.

Это было совсем не так, о чем я ей и напомнила:

- Как только ты его увидела, сказала: «Ой, какой потрясающий представитель мужского пола».

- Ничего я такого не говорила!

Она возмущенно на меня уставилась и даже кулачком по столу пристукнула. Но кулачок у нее был маленький и совсем не страшный. Пригрозить ей мне было нечем – запрещенными заклинаниями она не бросалась направо-налево, да и незапрещенными – тоже. Эмми была, как и я, алхимиком, правда, не столь успешным. Но учиться ей было еще целый год, так что все еще могло поменяться.

- Я просто перевела на человеческий язык те невнятные междометия, которые тогда из тебя вылетели, – уточнила я.

Эмма недовольно фыркнула, но решила не обижаться, а продолжить развивать свою мысль, в полной уверенности, что я с ней соглашусь рано или поздно.

- Так я не про внешность, – отмахнулась она. – Внешность у него действительно такая... нельзя сказать, что красивая, но...

Тут она замолчала, пытаясь подобрать нужное определение. Но слово, пусть и не магическая формула, все равно ускользало от подружки, никак не давая себя поймать. Это обычно выводило Эмми из себя, и она начинала злиться. Не был исключением и этот разговор. Эмми начала раздраженно постукивать по столу, и я пришла ей на помощь.

- Породистая... – напомнила я. – Ты говорила, что он похож на представителя старинного аристократического семейства.

Узкое вытянутое лицо. Выразительный хрящеватый нос. Хорошо очерченные тонкие губы. И повадки... Повадки человека, получившего хорошее воспитание. Он был так внимателен, так вежлив, так настойчив, что я не сразу, но все же поддалась его обаянию. Мои сокурсники перед ним просто блекли. Встречались мы почти с самого начала последнего моего учебного года в академии и до гибели моей наставницы.

- Да Богиня с ней, с его внешностью, – невозмутимо сказала Эмма. – У любого жулика внешность должна быть располагающая, и Штефан – не исключение.

Хоть было мне сейчас не до смеха, я все же расхохоталась. Как быстро она отнесла его к жуликам! А не так давно пела ему дифирамбы и твердила, что я вытасила счастливый билет. Тогда все так и выглядело. Но теперь это счастливое прошлое казалось столь же нереальным, как и мое счастливое будущее. Как сон, что прошел и даже воспоминаний поутру не оставил.

– Эмми, жулика в магистрат бы не взяли или за столько лет уже выгнали, – посчитала я нужным вступить за Штефана.

– Может, и не жулик. Но почему тогда его здесь нет? Он знает, что тебе сейчас плохо! И еще как плохо. Тебя постоянно допрашивают, даже менталиста привлекали!

Последнее ее особенно возмущало. Она была убеждена, что мне все должны верить безо всяких доказательств, как инорите, ничем не запятнавшей себя за все время жизни в Гаэрре. А в Сыске ко мне отнесли как к закоренелой преступнице. Эмми прекрасно знала, что Штефану досталось не меньше, но ее это не волновало. Штефан же не был ее подругой, самой близкой и почти единственной.

– Ему тоже плохо, – напомнила я. – Его тоже таскают на допросы. И кроме этого, на работе у него наверняка проблемы.

Мне самой эти причины не казались столь уж убедительными – если бы я любила человека, то не стала бы его избегать из-за возможных проблем на работе. С другой стороны, после всех этих бесконечных допросов мне иной раз и самой не хотелось никого видеть. Ни Штефана, ни Эмми, хотя оба они были для меня самыми близкими людьми. После отца, конечно. Но с ним мы поругались после моего решения поступить в Академию, чему моя мачеха была только рада – я всегда казалась ей помехой на пути к собственному семейному счастью, никому не нужным напоминанием о прошлом ее любимого мужа. Да, отца она любила, за что я многое готова была ей простить...

– Это да, – вздохнула Эмми, – как же вам эта Вернер подгадила своей смертью!

– Эмми! Нельзя так говорить!

– Именно подгадила. Зачем брать учеников, если занимаешься всякими незаконными штучками? Чтобы отвести от себя подозрение, зачем еще? – Эмми недовольно засопела. – Прекрасно же понимала, что с тобой будет, если все выплывет наружу. Конечно, она надеялась, что все останется в тайне, но не повезло – что-то пошло наперекосяк и – бабах! – Эмми всплеснула руками, показывая размер взрыва. – И я бы сказала, что так ей и надо, если бы это не касалось лично тебя.

Мне было больно вспоминать о смерти иноры Вернер, до сих пор больно. А уж слышать про нее гадости, да еще от собственной подруги, ужасно неприятно. Умом я понимала, что Эмми права, но душой принимать такую правду не хотела, тем более что инору Вернер с плохой стороны я никогда не знала.

– Она была очень хорошей наставницей, – заметила я. – Вряд ли я смогла бы получить столько знаний и навыков от кого другого.

– И что ты теперь с этим полученным будешь делать? – мрачно сказала подруга.

– Применять на практике. По всему выходит – где-нибудь подальше от столицы.

– Все-таки уезжаешь, – расстроилась она. – А я так надеялась...

Да, ей меня не удалось убедить. У меня есть диплом, а значит, должна быть работа. Неужели алхимик моего уровня нигде не нужен? Пусть не в самой Гаэрре, но есть же крупные производства и в других городах. В Корнине их наверняка даже больше. Перечень потенциальных рабочих мест у меня был – нам выдавали в середине курса, чтобы было время подумать и определиться с решением. Я его как получила, засунула в алхимический справочник и даже не открывала, уверенная, что никогда не понадобится. И вот теперь понадобился. Я достала эти несколько листков и внимательно изучила. Даже если отбросить гаэррские предприятия, все равно оставалось еще много. Ездить по разным городам глупо, поэтому я просто разослала письма с предложением своих услуг, уверенная, что кто-нибудь да откликнется. А если несколько – будет из чего выбирать. Ответа не получила ни от кого. Через месяц окончательно стало понятно – по специальности меня не возьмут, пока не будет доказана моя непричастность к делам иноры Вернер. Но как это сделать, если я даже не уверена, что она чем-то таким занималась?

Квартира была оплачена на год вперед. Тогда я согласилась лишь потому, что была предложена хорошая скидка, хотя сумма была весьма приличной. Теперь же даже порадовалась, что квартирная хозяйка, которая на это время уезжала в Лорию, выдвинула такое условие. Пусть на это и ушли почти все сбережения с мелких студенческих подработок, но жизнь на улице в ближайшем будущем мне не грозила. Не так давно я не считала нужным экономить, ведь впереди меня ждало хорошо оплачиваемая работа. Выпускников с Золотым дипломом расхватывали еще до того, как они эти дипломы получали. У меня тоже были выгодные предложения. Были. Но дипломированный алхимик внезапно оказался никому не нужен. Можно было вернуться к отцу, но это я приберегала на самый последний случай. Он только уверится, что был прав, не желая отпускать меня на учебу. А мачеха настолько не обрадуется, что непременно постарается меня сплавить как можно быстрее. Нет уж, пять лет назад я решила, что моя жизнь будет зависеть только от меня, так что негоже из-за временных трудностей все бросать и нестись под папину защиту.

В том, что они – временные, я была совершенно уверена.

Глава 2

Денег у меня было немного, да и те, что были, стремительно подходили к концу. По специальности я не могла найти даже мелких разовых подработок – те иноры, что с удовольствием принимали мои алхимические поделки, когда я была студенткой, сейчас отводили глаза в сторону и мямлили, что у них для меня ничего нет. Будущее, казавшееся ясным и безмятежным, внезапно стало вызывать все большее беспокойство. И последний гвоздь в крышку гроба моих надежд вбила Эмми, сама того не желая. Она влетела ко мне, кипя от злости, и с порога начала возмущаться:

– Знаешь, кого я сейчас видела? Штефана! Штефана с вульгарной рыжей девицей! Я его сразу приперла вопросом, как ему не стыдно. А он мне в ответ, что вы с ним уже давно расстались, поэтому мои претензии ему непонятны. Представляешь?

Чего-то такого я и сама ожидала, слишком давно Штефан меня не навещал, но все же услышать это было очень неприятно. Действительно, если инор перестал

приходить, истолковать это иначе, чем «расстались», нельзя. Но до этой минуты я надеялась, что он разберется со своими проблемами и придет. Что ж. Или не разобрался. Или посчитал, что ему достаточно своих проблем, а чужие разгребать – непосильная тяжесть.

– Чего ты молчишь? – продолжала возмущаться Эмми. – Скажи же что-нибудь!

– Что я могу сказать? – Я попыталась беззаботно улыбнуться. – Только подтвердить, что у нас все кончено.

Эмми плюхнулась на стул, даже не потрудившись переложить с него мое платье, в котором я сегодня ходила на собеседование в надежде, что за прошедшее время что-то поменялось. Но в обоих местах мне все так же вежливо отказали, даже не потрудившись объяснить причину. Нужно было искать другие способы выживания, а для этого мне жизненно необходимо приличное платье для собеседований. Я попыталась его вытащить из-под подруги, пока оно совсем не потеряло нормальный вид, но Эмми и не подумала сдвинуться. Ее волновало совсем другое.

– Но как же так? – негодовала она. – Бросить тебя в такой момент, когда у тебя все так плохо!

– А что, если у меня все плохо, так и тащить до конца жизни? Нет, ушел – и хорошо.

Я действительно так думала. Встречаться из чувства долга, если любовь прошла, – нет, мне милостыни не нужно. Я не буду униженно бегать и выпрашивать подачки. Пусть встречается с кем хочет, в моей жизни его больше нет и не будет. Да, именно так! Неожиданно эта мысль наполнила меня предвкушением чего-то нового. И не просто нового, а хорошего, что должно случиться совсем скоро. Плохие полосы в жизни имеют свойство заканчиваться, а моя уже слишком затянулась, пора бы чему-то и поменяться. Подруга расстроено вздохнула. Наверняка ей было что еще сказать про Штефана, но она оставила все это при себе, не желая мне портить настроение еще больше. И пусть сейчас любые рассказы про Штефана никак не повлияли бы на мое состояние, я все же была ей благодарна.

– Что делать-то собираешься?

Вариантов у меня не было. Ни еду, ни деньги добывать из воздуха я не могу. Ходили слухи, что маги прошлого владели таким умением, странно только, что все они унесли такое полезное знание с собой в могилу.

- Искать работу, - ответила я. - По магической части меня не возьмут, значит, надо что-то другое.

- Что другое? - изумилась она. - Что ты можешь, кроме магии? Полы мыть? Не пойдешь же ты в горничные?

- Не пойду, - согласилась я. - Но вдруг удастся пристроиться гувернанткой?

- Список, - мрачно напомнила она. - Сразу возникнет вопрос, почему после Академии ты хочешь работать где попало. Ты прости, конечно, но при малейшем подозрении во владении запрещенной магией тебя близко не подпустят к детям.

- Но я-то ее не знаю, - растерялась я.

- И кто знает, что ты знаешь, а чего не знаешь?

- Я проходила ментальное сканирование.

Эмми выразительно хмыкнула, это лучше всяких слов сказало, что эта процедура мне никак не помогла в поисках работы. Я задумалась. А ведь она права! Вряд ли мне удастся найти место гувернантки или компаньонки. Я бы тоже не стала брать в семью лицо с подмоченной репутацией. Лицо, подозреваемое во владении запретной магией. Это я знаю, что ни при чем, а откуда это знать человеку, который видит меня впервые в жизни? Я бросила тоскливый взгляд на кипу газет, которую только купила и еще не успела просмотреть объявления. Получается, купила зря? Лишь напрасно потратила часть столь необходимых мне денег? Что же мне теперь делать? Подруга перехватила мой взгляд и заинтересованно придвинула стопку к себе.

- «Гармский вестник». Зачем он тебе?

- Хотела посмотреть предлагаемую работу. Но теперь поняла, что это бессмысленно, - пояснила я.

- Почему? - оживилась она. - Гувернанткой тебя не возьмут, но можно же подобрать что-то другое. Вот, смотри. «Пожилой леди требуется компаньонка. Проживание на полном пансионе в загородном поместье...» Самое то, чтобы переждать немного. И оплата очень даже неплохая. Да у нас многие после академии меньше получают. Это просто замечательный вариант. Что думаешь?

Я подумала, что пожилая леди - та еще штука, если ее компаньонке предлагают столько денег, сколько дают не всякому квалифицированному алхимику при работе по специальности. Если бы просто требовался присмотр, то при полном пансионе зарплата предлагалась бы наверняка мизерная, в полном соответствии с обязанностями. Но мои размышления важности для Эмми не представляли, поэтому я просто ответила:

- Не возьмут по той же причине, что и гувернанткой.

- В самом деле. - Но Эмми и не подумала расстраиваться и продолжила бегать глазами по газетным строчкам. - «Лорду Н. требуется секретарь. Возраст и пол значения не имеют. Главное - аккуратность, разборчивый почерк и трудолюбие». А? - Она вопросительно на меня посмотрела. - По всем трем пунктам ты подходишь. Почерк вообще такой, что хоть сейчас каллиграфию иди преподавать.

- Он замминистра, - напомнила я.

К таким, как он, меня и близко не подпустят, отсеют еще на подходе. Вдруг я на него чем запретным подействую и Гарм пострадает? Сомнительно, чтобы меня взяли секретарем даже не к столь важной особе. Кому нужна подозрительная инорита под боком? Я поняла, что работы мне не найти, и окончательно упала духом.

- Это да, - поняла мою недомолвку подруга. - Еще и старик совсем. Нет, нам нужен кто-то помоложе, без провалов в памяти и невнятных требований.

- Какая разница, кто работодатель? - усмехнулась я, но совсем невесело. - Лишь бы наконец появился.

Как же хорошо было во время учебы – не нужно заботиться ни о жилье, ни о еде, выплачивали пусть небольшую, но регулярную стипендию. И подработки на старших курсах позволили завести счет в Банке. Счет, от которого уже ничего не осталось. Может, нужно было воспользоваться предложением и пойти в аспирантуру? Возможно, еще не поздно? Лорд Гракх не из тех, кто будет выслушивать чужие указания. Но не будет ли у академии из-за меня проблем? Нет, надо все же найти работу, а не укрываться за чужими спинами, обладатели которых могут пострадать. Я опять сделала попытку вытянуть из-под подружки свое представительское платье, но не преуспела – Эмми устроилась удобно и не желала расставиться с мягкой подстилкой.

– Появится! – Она бодро просматривала по диагонали уже третью газету. – Так, опять гувернантка... Сколько же их требуется в Гарме? Где только детей для всех берут? Это же вся газета забита сообщениями о поисках гувернанток, а нанимают же не на месяц, а на сколько-то лет...

Она недоумевающе на меня посмотрела. Но мне было, что ей сказать – я прекрасно помнила сводных сестричек, чьи проделки мне до сих пор иногда снятся в ночных кошмарах.

– Возможно, там никто долго не задерживается? – предположила я. – Не всякий сможет работать с избалованными детьми.

– Оу, не подумала, что у гувернанток столько проблем, – задумчиво сказала Эмми и неожиданно продолжила: – Тогда я не права. В гувернантки тебя непременно возьмут. Один только намек на владение запрещенной магией – и все дети станут необычайно послушными.

Пугалом работать мне не хотелось, поэтому я тут же возразила:

– Я не знаю ни одного запрещенного заклинания.

– Да, дети это быстро поймут, – легко согласилась Эмми. – Нет, все же работа гувернантки тебе не подойдет. Так... Сиделка? – Она вопросительно на меня посмотрела.

– Нужно знать хоть основы целительской магии, – напомнила я.

– Думаешь? – Она уткнулась в объявление в надежде найти там развернутое описание обязанностей. – Возможно, просто подать зелье вовремя, книжку почитать больному...

– А также принести судно...

– Может, там не совсем лежащий?

– Зачем ему тогда сиделка?

Препиралась я с ней без особого азарта, так как была уверена, что на эту работу меня также не примут. Если семья в состоянии нанять сиделку, то абы кого брать не будут. Да и не лежала у меня душа к такой работе, не чувствовала я всеобъемлющей любви к ближнему, столь необходимой для этого. Но что же мне теперь делать? Эмми дернула меня за рукав, и я обнаружила, что уже некоторое время стою, погруженная в свои мысли, и даже не слушаю, что она мне говорит.

– Линди, все будет хорошо, вот увидишь, – уверенно сказала она.

– Конечно. – Я постаралась улыбнуться как можно беззаботнее. – Все будет хорошо.

А если все будет плохо, тогда всегда можно вернуться к отцу. И все будет еще хуже.

– Вот, смотри, – деловито сказала Эмми. – «Магу для особых поручений требуется секретарь». Что думаешь?

– Ничего, – вяло ответила я. – Из объявления даже непонятно, «для особых поручений» относится к «магу» или он ищет для этого секретаря.

– Сходишь и узнаешь.

– Его моя подмоченная репутация не испугает?

Настроение было хуже некуда. Впереди не ожидалось ничего хорошего.

– У него и спросишь, – не унималась Эмми. – Здесь, кстати, и время указано, когда можно подойти и переговорить. Если хочешь успеть, нужно выходить.

– Ты помяла мое платье для собеседований, – напомнила я.

– Да ну его! – Эмми так и не встала с моей одежды. – Ты в нем сухарь сухарем. Наверное, поэтому и не берут. Иди как есть.

– Можно и как есть. Хуже не будет, – философски ответила я и начала изучать заинтересовавшее ее объявление более пристально.

Но там не было никаких подробностей. Только то, что Эмми уже сказала. Даже размер жалованья не указан. Наверное, чтобы сразу не отпугивать потенциальных секретарей для особых поручений. Ведь при личной встрече всегда есть вероятность, что уговоришь поработать за еду. Я нахмурилась. Скоро для меня и такая работа подойдет, ведь еду из воздуха не создашь. Пока все эксперименты такого плана заканчивались провалом. Не думаю, что я успею продвинуться дальше признанных мэтров от магии за время, на которое мне хватит денег на продукты. Хотя при строжайшей экономии... Я постаралась прекратить думать о подобных глупостях и сосредоточиться на объявлении. Но выжать из него больше ничего не получилось.

– Особые поручения – это что? – спросила я подругу для порядка.

– Понятия не имею, – честно ответила она. – Но наверняка что-то солидное, только вслушайся, как звучит. Собирайся, а то кто-нибудь пошустрее займет это место, и тебе будет уже без разницы, какие там поручения.

Она наконец встала с моего платья. Как я и думала, оно невероятно помялось, идти в таком на собеседование было неприлично. Я было хотела привести его в порядок, но Эмми ловко вытянула его из моих рук и бросила назад на стул.

– Линди, оно несчастливое, – уверенно сказала она. – Сходи в чем-то другом – сразу увидишь разницу. Да и времени у нас на такую ерунду нет.

Я хотела ей ответить, что времени у меня теперь предостаточно на всякую ерунду, но она уже тянула меня к двери, не давая опомниться. Платье на мне

было совершенно неподходящее для разговора о работе – весьма легкомысленное, с цветами, кружевами, множеством оборочек и довольно глубоким вырезом. Штефану оно очень нравилось, но... Богиня с ним, с этим Штефаном, сейчас не о нем думать нужно. Сомневаюсь, чтобы маг для особых поручений искал такую секретаршу. Ему наверняка нужна серьезная дама в строгом платье под горло и безо всяких кружевных ухищрений. Впрочем, секретарша, попавшая в Список, магу не нужна любого возраста и в любой одежде. Я настолько была уверена в отказе, что даже почти не волновалась, когда стучала в дверь по адресу, указанному в объявлении.

- Войдите, - сказал приятный мужской голос.

Я оглянулась на Эмму, она сделала большие глаза и подтолкнула меня вперед, навстречу будущей замечательной работе. Я улыбнулась, взялась за ручку двери, потянула на себя и вошла.

Глава 3

- Добрый день, - сказала я обладателю приятного мужского голоса. - Я по объявлению.

Приятным был не только голос, но и его обладатель. А еще он был неприлично молодым для мага «по особым поручениям». Лет тридцати, не больше. Возможно, конечно, что он находился под артефактом морока столь высокого уровня, что мне его действие попросту не видно. Но мне почему-то казалось, что это не так. И на месте этого молодого светловолосого инора, даже если он снимет все свои артефакты, которых было не так уж и мало и о назначении которых я могла лишь догадываться, так вот, на его месте не появится почтенный благообразный маг, которого я представляла себе по дороге сюда. Но подозрительным было не только это. Зачем нужна секретарша в столь маленький офис? Куда он ее собирается усаживать? Разве что на колени, так как в помещении было только два стула и второй стул предназначался для посетителей. Неужели «особые поручения» предполагались все же для секретарши? Впрочем, хозяин кабинета был довольно хорош собой, вряд ли ему мог понадобиться столь экзотический способ поиска любовницы. Оставалась еще небольшая вероятность, что я ошиблась дверью – работа мне нужна, но не

до такой же степени.

- Добрый день, - ответил мне хозяин офиса. - Запись на театральные курсы в соседнем офисе.

Пристальный взгляд серых глаз, одновременно доброжелательный и оценивающий. Легкая вежливая улыбка. Ручка, отложенная в сторону. И кипа мелких бумажек с записями перед ним на столе. На практикующего мага не похож совсем. Разве что число артефактов, от которых идет сильный постоянный фон, намекает, что он - не простой служащий.

- Я по объявлению о найме секретаря для мага по особым поручениям, - пояснила я.

Наниматься мне уже не хотелось, но уйти вот так, даже не пояснив, зачем я сюда заглянула, было совсем глупо. Впрочем, идея сюда прийти сама по себе не была умной. Нельзя бросаться по первому попавшемуся объявлению. Теперь буду знать, что это не приводит ни к чему хорошему.

- О найме секретаря? - Доброжелательность из взгляда пропала, в голосе появились металлические нотки. - С таким Даром? Не думаете же вы, что ваши прекрасные голубые глаза и глубокий вырез на платье способны сделать из меня идиота?

То, что вырез на платье не являлся определяющим для приема на эту работу, меня неожиданно обрадовало. Не настолько, конечно, чтобы я прямо сейчас согласилась наняться в эту подозрительную контору, где и места на второго человека не было. Если это не клиент, конечно. Не знаю, почему я решила оправдаться. Наверное, потому, что мне не хотелось лишних подозрений - достаточно тех, что уже есть.

- Ино, я закончила Гаэррскую Магическую Академию с Золотым дипломом, - с гордостью просветила я его. - Но сейчас не могу найти никакой работы, поскольку из-за того, что моя научная руководительница замешана в деле с запрещенной магией, я попала в Список.

- Какой еще Список?

Холод из его голоса пропал, на его место пришло любопытство, подчеркнутое еле заметным поднятием бровей. И чуть заметное подрагивание губ, норовящих сложиться в язвительную усмешку, что мне совсем не понравилось.

- Список тех магов, с кем нельзя сотрудничать, - холодно пояснила я.

- Что? - Он все-таки расхохотался, громко и очень заразительно. Я с удовольствием присоединилась бы к нему, не смеяся он надо мной. - Вы, взрослый дипломированный маг, верите в такую ерунду?

- Поначалу не верила, - обиженно ответила я. - Но после того, как со мной отказались сотрудничать даже те, кто давал заказы последние три, а то и четыре года, пришлось поверить.

- Чушь, - убежденно сказал он. - Да вы садитесь, инорита, а то стоите передо мной, как статуя. Тем более что если вы рассчитываете на эффект от вашего выреза, то если вы присядете, обзор у меня будет много лучше, может, и проникнусь.

На подобный эффект я не рассчитывала. Более того, работа совсем не казалась мне заманчивой, но я зачем-то села на стул. На самый краешек - устраиваться поосновательней не рискнула.

- Не такой уж у меня большой вырез, - заметила я. - Если Список - чушь, то какое еще объяснение вы можете дать тому, что я уже несколько месяцев безрезультатно ищу работу? Дипломированный маг с Золотым дипломом!

Про диплом я повторила, чтобы он наконец проникся, с кем имеет дело, и перестал ко мне относиться как к какой-то глупенькой инорите, наслушавшейся страшилок и теперь пересказывающей их первому встречному.

- А вы не привираете насчет Золотого диплома? - нагло спросил этот тип.

- Не привираю, - возмутилась я. - Если бы я знала, что он вас заинтересует, непременно принесла бы с собой. Пока от него один прок - стоит украшением на полке.

– А специализация у вас?..

– Алхимик, – неохотно ответила я.

– Алхимик? – оживился он. – Тогда на самом деле странно, что вы до сих пор не при деле. Или у вас теоретическая алхимия?

Теоретическая алхимия – извращение, появившееся не так давно. Туда отправлялись все, кто считал себя слишком гениальным, чтобы стоять над пробирками. Бумагу пачкать – проще и безопаснее. Еще не было зафиксировано ни одного взрыва алхимика-теоретика, а вот алхимики-практики этим грешили, и нередко – со смертельным исходом. Но у меня руки росли из нужного места, а в голове накрепко засели правила безопасности, выполняя которые, перестаешь подвергать риску не только себя, но и окружающих.

– Самая что ни на есть практическая, – уверила я его. – До истории с наставницей у меня было несколько предложений от ведущих фабрик Гарма. Очень хороших предложений, между прочим. После – все отказались. До одного.

– Хм... – Он задумчиво потер подбородок. – Наставница – Вернер, которая не так давно бабахнула? Громкий такой скандал был, газеты несколько недель не могли успокоиться.

– Да, – подтвердила я и расстроено добавила: – Никогда бы не подумала, что она чем-то таким занимается. Мне она казалась очень законопослушной инорой.

– Казаться – не значит быть, – наставительно заметил мой собеседник. – Значит, вы уверены, что из-за... гм... проступка наставницы попали в некий Список и теперь двери всех фабрик перед вами закрыты?

– Да, – подтвердила я.

– Но это возвращает нас к тому, что нет никакого Списка, – категорично заявил он.

– Почему у меня тогда нет работы?

– Работа у вас уже есть, – отмахнулся он. – Я вас взял. Считайте, что своим вырезом вы нашли правильный путь к моему сердцу.

Дался ему этот вырез. Я скосила глаза вниз – не такой уж он и глубокий, будь я мужчиной, он вряд ли бы меня заинтересовал, да и мой собеседник особо туда не смотрит. Может, он так пытается комплимент сказать? И тут до меня дошли его слова.

– Вы берете меня на работу? – переспросила я.

– Беру, – подтвердил он. – Но сейчас вас должно волновать совсем другое.

Я вопросительно на него посмотрела.

– Почему вас отказываются брать на алхимические предприятия, – пояснил он. – Повторяю – никакого Списка не существует.

– Послушайте, инор... – И тут я поняла, что даже не удосужилась спросить не только его имя, но даже размер собственной зарплаты, что намного более важно. Он не торопился прийти мне на помощь, поэтому пришлось говорить прямо: – Мы так и не познакомились. Линда Мельсбах.

– Дитрих Хартман, – с небольшим смущением сказал он. – В самом деле. Мы не только не познакомились, но я даже не рассказал вам, что, собственно, придется делать.

– И каков размер зарплаты – тоже, – напомнила я.

Да, круг обязанностей – это очень важно. Не менее важно – фамилия работодателя. Но зарплата для меня сейчас – это много важнее любых обязанностей и фамилий. То, что я узнала, как его зовут, сделало будущую работу для меня более привлекательной, но не настолько, чтобы я забыла про все остальное. Если у меня был вырез, о котором он никак не мог забыть, то в облике Дитриха не было ничего такого, от чего я могла потерять голову и забыть про насущные проблемы.

– Боюсь, что как дипломированному алхимику, да еще с Золотым дипломом я вам платить пока не смогу, – сказал он и широко улыбнулся. – Но учтите – только пока. Клиентура у меня набирается, трат очень много. Я меняю офис на более представительный. В этом, как вы можете заметить, секретарь просто не поместится.

Я тактично промолчала, не желая вспоминать про свои подозрения, появившиеся сразу, лишь я увидела размер этой каморки. Что-то мне подсказывало, что предположение о рабочем месте секретарши на его коленях не найдет понимания, даже если мое декольте будет раза в два глубже.

– Пойдемте, я вам покажу будущее место работы.

Он подхватился так резко, что, открывая дверь передо мной, чуть не стукнул по лбу Эмму, которая пыталась расслышать, о чем же мы говорим. Но подруга – инорита ловкая, успела отпрыгнуть, но выпрямиться до конца не успела, что и позволило мне понять, чем она занималась у двери. Но Дитрих ничего не заподозрил, чем меня несколько разочаровал.

– Запись на театральные курсы – в соседнем офисе, – просветил ее он. – Линда, так вы идете?

– Спасибо, – проникновенно сказала Эмма.

Маг по особым поручениям ей понравился – она окинула его одобрителем взглядом и постаралась подмигнуть мне как можно незаметнее. Впрочем, одобрение подруги заслужить не так уж сложно. Достаточно быть симпатичным, обходительным и молодым. Для иноров в возрасте одобрения у нее иной раз не хватало.

– Так поторопитесь же, – сказал ей Дитрих, – они скоро закрываются. Вдруг театр – ваше призвание? И решительней, решительней. Вам на сцену выходить, к толпам, аплодирующим вашему таланту.

Эмма зарделась от комплимента и постучала в соседнюю дверь. Наверное, чтобы не демаскировать свою легенду. Дитрих одним движением активировал защиту на своем офисе, подхватил меня под руку и потащил к выходу. Я оглянулась – в коридоре было уже пусто. Эмми все же пошла узнавать про курсы.

– Все будет хорошо с вашей подругой, – заметил мой спутник. – Актриса из нее никакая, так что в худшем случае проплатит пару месяцев и чему-нибудь научится.

– Но зачем тогда вы?..

– Не люблю, когда подслушивают, – любезно пояснил он. – Это как-то недостойно воспитанной инориты, не находите?

– Она за меня переживает.

– Это не оправдание. Неужели вы бы ей все не рассказали? А если не рассказали бы, тогда ее поведение выглядит еще более некрасивым.

Он выглядел таким суровым, что я не стала говорить, что рассказала бы я потом, а Эмми хотела знать сейчас. Мужчины такого почему-то не понимают.

Идти нам пришлось не слишком далеко – до соседнего здания, где он вежливо открыл передо мной дверь:

– Нам сюда. Второй этаж.

Мы повернули налево, и он гордо указал на скромную табличку на двери «Дитрих Хартман. Маг по особым поручениям». Затейливый ключ повернулся в замочной скважине два раза, дверь распахнулась и явила моему взору... Нет, не богато обставленный кабинет преуспевающего мага, а скромное помещение, чуть побольше размером, чем его нынешний офис, но с дополнительным столом для меня, то есть для секретаря, конечно. Я же еще не решила, буду ли я работать у этого мага. Пока он про особые поручения так ничего и не рассказал. Я вопросительно на него взглянула, но он понял меня совершенно неправильно.

– А еще... – Дитрих открыл дверь, хорошо замаскированную вешалкой для верхней одежды, и гордо кивнул в то помещение.

Наверное, нужно было восторженно ахнуть, поскольку то, что он мне показывал, должно было служить алхимической лабораторией. Но я еле удержалась от

смеха и лишь уточнила:

- Набор «Юный алхимик»?

- Естественно, - ничуть не смутился он. - Зачем покупать лишнее, если там уже есть все, что может понадобиться? Ваша основная профессия, Линда, как нельзя кстати - не растеряете профессиональных навыков.

Поначалу я скептически смотрела на скромный набор, предназначенный для любознательных детишек, но потом подумала, что для настоящего алхимика - это же вызов, проводить сложные исследования в таких примитивных условиях. Маг для особых поручений - звучит весьма многообещающе. Тайная переписка, и все такое...

- Дитрих, а чем вы занимаетесь?

Возможно, обращение было несколько фамильярным, но говорить ему «инор Хартман» почему-то язык не поворачивался. Да и строго говоря, он первый начал - если уж я Линда, то он Дитрих. Вот так.

- Разными делами, с которыми не справляются доблестные работники нашего Сыска.

Туманность его ответа меня ни на миг не ввела в заблуждение. За таким красивым названием стоял обыкновенный частный детектив. Пусть маг, которому было доступно больше методов, чем обычному работнику Сыска, но все же... Да, для такого дела и набора юного алхимика многовато.

- То есть слезкой за неверными супругами? - разочарованно сказала я.

- Почему сразу слезкой за неверными супругами? - смутился он.

- А у вас другие дела были?

- Пока нет. Но это потому, что у меня не было собственного офиса. Линда, вот увидите, теперь дела пойдут в гору.

Он широко улыбнулся, призывая разделить его радость. Но его оптимизм меня не убедил. Было похоже, что на аренду этого офиса ушли его последние сбережения. Край одеяла, предательски торчавшего из шкафа для бумаг, указывал, что ночует он теперь здесь. А это значит, что у него даже на аренду квартиры не хватает денег, что, в свою очередь, намекает – выплата зарплаты может отложиться на неопределенное время. Меня это совсем не устраивало. Я еще раз окинула взглядом хилый алхимический набор и посмотрела на сам офис. Он тоже не выглядел образцом благополучия. Мебель видела лучшие времена, и как же это было давно...

– С завтрашнего дня можете приступать, – гордо возвестил Дитрих. – Ключ я вам сейчас выдам. Защиту буду ставить завтра, когда начну документы переносить. На вас защиту тоже настрою.

«Переносить документы» прозвучало необычайно серьезно, и я подавила рвущуюся улыбку. Не стоит обижать этого инора, нужно подобрать слова для вежливого отказа.

– Нужно будет выдать вам артефакт от ментальных вмешательств, – начал строить он планы. – Меня не устраивает, если у моего секретаря будут шариться в голове безо всяких преград.

– Думаете, что ваша слезка так беспокоит одну из сторон, что через секретаря будут пытаться разжиться информацией?

– Может, и не будут, – согласился он. – Но у вас слишком неаккуратно была проведена ментальная чистка воспоминаний, вы сейчас легко уязвимы.

– Ментальная чистка? – поразилась я. – Какая еще ментальная чистка?

Глава 4

Слова о ментальной чистке были такими дикими, настолько ко мне неприменимыми, что ввергли меня в настоящий шок. Что у меня могли стирать, да еще так, чтобы я об этом услышала впервые? Возможно, Дитрих ошибается?

– А вы не знали? – в свою очередь, удивился он. – У вас не так давно очень грубо что-то стерли.

– В Сыске? – неуверенно предположила я. – Последний раз я имела дело с менталистом в Сыске. Последний и, пожалуй, единственный.

– Сыск можете сразу отбросить, – уверенно сказал Дитрих. – Ничего они стирать без решения суда не будут, ни один менталист, работающий на Корону, на такое не пойдет. Странно, что вы вмешательства не заметили и даже не заподозрили. Стирание очень топорное, но наверняка это воспоминание для вас неважно.

Его слова оказались для меня настолько неожиданными, что ноги моментально перестали держать и я тяжело плюхнулась на лабораторную табуретку, так кстати стоявшую рядом со столом, который играл роль алхимического. Пустые склянки жалко звякнули, и мысль о нарушении техники безопасности почти привела меня в себя. Почти – потому что даже если все имеющиеся на столе ингредиенты смешать в одну кучу, ничего страшного не случится.

– Этого не может быть, – с трудом выдавила из себя я. – Зачем кому-нибудь влиять на меня ментально? Какой в этом прок?

– Возможно, инора Вернер? – предположил Дитрих. – Сначала располагала к себе, а потом стерла что-то, что вы случайно узнали?

– Если бы она была менталистом, то это было бы никак не скрыть, – возразила я. – Да и не хотела она меня брать. Мне пришлось ее уговаривать.

– Тогда внушала, чтобы вы от нее отстали?

Я невольно рассмеялась.

– Это у нее плохо получилось. Ей пришлось меня терпеть два года.

Я помолчала, пытаюсь придумать хоть какое-то объяснение узанному. Если это, конечно, правда. Я с подозрением посмотрела на своего собеседника:

– Дитрих, меня проверял менталист Сыска. Неужели он бы такое не заметил?

– Что у вас в голове кто-то пошарился? Наверняка заметил и написал в отчете, который вы должны были подписать. Вы его читали?

– Нет, – смутилась я. – После ментального сканирования мне было не до этого. Даже если бы попыталась прочитать, все равно ничего бы не поняла – все расплывалось перед глазами.

Мне было так плохо после ментальной проверки, что я подписала, даже не посмотрев, что именно. На тот момент больше всего я боялась, что меня вытошнит прямо на эти сероватые листы, заполненные убористым аккуратным почерком. Никаких других мыслей у меня не было.

– Кружилась голова и сильно тошнило?

– Да. – Я зябко передернула плечами.

Даже от воспоминаний о проверке до сих пор было плохо. Нет, мне говорили, что процедура не из приятных, но что она настолько отвратительна, я не ожидала и не была к ней готова. Дитрих задумчиво на меня смотрел, чуть склонив голову набок.

– И все же я уверен, что Сыск так грубо не стал бы работать, – наконец сказал он. – Вмешательство было сильнее, чем требовалось для обычного сканирования, но они наверняка пытались подцепить стертые. Стирал кто-то другой. Думаю, либо ваша наставница, либо кто-то, кому вы доверяете. Итак, с кем вы близко общались месяца два назад? Перед гибелью вашей наставницы скорее всего. Может, чуть раньше. Или чуть позже.

Я не могла представить, что кто-то, с кем я была близка, так гадко со мной поступил. Да и не так их много было – после того как я начала встречаться со Штефаном, мое общение ограничивалось им, Эмми и инорой Вернер.

– Почему вы так уверены, что это кто-то из близких мне людей?

– Вы не заметили, когда к вам залезли в голову, – пояснил Дитрих. – Я не такой уж специалист в этом вопросе, но знаю, что для этого вы должны доверять тому, кто вот так некрасиво вашим доверием воспользовался. Возможно, кто-то из

ваших родственников?

- Я никого из них давно не видела, - неохотно ответила я. - Последний курс выдался очень напряженным, к отцу я так и не выбралась, а он сам в Гаэрру не приезжает.

Говорить, что отца я навещала редко, да и само пребывание в отчем доме всегда было коротким, я не стала. Главное для Дитриха - что я его не видела, а какие отношения в моей семье, его не касается.

- Хорошо, поставим вопрос по-другому. С кем вы постоянно общались в то время?

- С подругой.

- Которая на театральные курсы записалась? Нет, она отпадает - будь у нее элементарные навыки владения ментальной магией, она не стала бы так вульгарно подслушивать под дверь. Кто еще?

- Инора Вернер, моя наставница.

- У нее уже не спросишь. Еще кто-то?

Я молчала. Говорить про Штефана не хотелось. Мне почему-то было неприятно даже думать, что он был в моей жизни, а уж говорить этому симпатичному молодому инору, сидящему напротив, - тем более.

- Линда, не поверю, чтобы у вас не было какой-нибудь сердечной склонности. За такой красивой девушкой должны ходить толпы поклонников. Хоть десяток припомнить сможете?

- Ходили, - невольно улыбнулась я. - А потом Штефан всех распугал.

- Штефан - это?..

- Штефан Эггер.

– Маг? Не маг? Где работает? – деловито спросил Дитрих.

– Маг. В магистрате.

– И как долго вы с ним встречаетесь?

– Встречались, – поправила я. – С середины осени и до... трагического происшествия с инорой Вернер.

– Вот как... Инициатор разрыва?

– Разрыва как такового не было, – пояснила я. – Он перестал приходить. А когда Эмми встретила его с другой, на ее возмущение заявил, что мы расстались.

– Смотрю, вас это не расстраивает, Линда.

– Как ни странно, да.

Намного больше меня расстроило предположение, что Штефан мог быть причастен к ментальному влиянию на меня. Зачем ему это было нужно? Добиться моей склонности? Но два месяца назад она уже была. И что тогда было стерто из моей памяти? Дитрих говорит, что-то неважное, но сейчас я была уверена, что это что-то – просто жизненно мне необходимо. Ведь не просто так его стерли?

– А восстановить стертое можно?

– Хм. Не знаю, я не специалист по ментальной магии. Мы можем проконсультироваться. – Он оживился. – А пока давайте-ка запишем...

Дитрих чуть переместился так, чтобы беспрепятственно выдвинуть ящик из стола, откуда достал карандаш и чистый лист бумаги. Краем глаза я успела заметить в ящике еще и лабораторный журнал – новехонький, наверное, даже ни разу не открытый. Больше я увидеть ничего не успела, и не потому, что ящик задвинулся сразу же, а потому, что в дверь раздался громкий уверенный стук. Солидный инор лет пятидесяти с небольшим вошел, даже не дожидаясь разрешения.

– Хартман? Маг по особым поручениям? – спросил он у Дитриха, выглянувшего из лаборатории.

– Он самый. – Дитрих изящно кивнул, подтверждая правоту своего собеседника. Впрочем, выбор у того был невелик – либо я, либо Дитрих, ошибиться почти невозможно. А если учесть, что я была визитером не замечена, то и «почти» отпадало. – Добрый день! Мы как раз переезжаем в новый офис, но если ваше дело не терпит отлагательств, можем приступить к нему хоть сейчас.

– Мы? – Инор наконец увидел меня и нахмурился. – У меня дело весьма деликатное, не хочется о нем говорить при посторонних.

Да уж, деликатное. Все, как я и думала, – слезка за неверной женой...

– Инорита – мой секретарь, – важно ответил Дитрих. – Можете не сомневаться, все ею услышанное тут и останется.

Прозвучало это несколько зловеще с учетом моей подчищенной памяти и пока не данного согласия на эту работу. Впрочем, другую мне все равно никто не предлагал. Почему бы и не заняться чем-то полезным? Тем более что обещают выдать артефакт от ментальных воздействий, который, как оказалось, был мне нужен уже давно. Но пока Дитрих торжественно вручил мне всего лишь лист бумаги и карандаш, которые он достал из стола, когда собирался записывать мои ответы, и так и продолжал держать. Я усмехнулась, взяла орудия моего нынешнего производства и села за секретарский стол. Стул подо мной предательски скрипнул и чуть перекосялся, но я приняла невозмутимый вид и гордо выпрямилась. Инор недовольно посопел, но, наверное, подумал, что специалист с секретарем намного солиднее, чем без секретаря, и смирился с моим присутствием.

– Понимаете, инор Хартман, – начал он сразу, как устроился на стуле – намного более крепком, чем мой, – все дело в том, что моя жена...

Он замолчал, так как затронул деликатную для себя тему, и с надеждой уставился на Хартмана, тот его не разочаровал и тут же подхватил нить разговора:

- Намного вас моложе, и вы хотите быть уверены, что она вам не изменяет.

- Моложе - да, - согласился посетитель. - Но я боюсь не того, что она мне изменяет. В этом я как раз уверен. Сами понимаете, молодая красивая женщина неужели будет хранить мне верность? Я даже не переживаю по этому поводу, тем более что она достаточно осторожна и не афиширует своих любовников. Но сейчас я боюсь, что она влезла во что-то противозаконное.

Дитрих оживился, я тоже. Очень было похоже, что наклеывается что-то намного более интересное, чем вывод на чистую воду банальной интрижки. Свои проблемы я старательно отодвинула на задний план. Будем замещать их чужими, раз уж решить не получается.

- Почему вы думаете, что что-то противозаконное? - заинтересованно спросил Дитрих. - Странное поведение жены может объясняться чем угодно.

- Я разве говорил про странное поведение? - парировал инор. - Хотя, конечно, оно изменилось. Но главное - странные запахи. Богиня дала мне очень тонкий нюх, знаете ли. Так вот от жены последнее время пахнет орочьими травами, которые шаманы используют для обращения к духам.

- Думаете, подседа на них? - деловито спросил Дитрих.

Нашему визитеру это предположение не понравилось, но он все же ответил:

- Думаю, что дело не в этом. Уж поверьте, Магдалена не похожа на лицо, зависимое от чего-либо, разве что от денег. - Он несколько иронично усмехнулся. - Меня беспокоит, что эти травы используются при запрещенных у нас ритуалах...

- Запрещенная магия, - протянул Дитрих.

Нехорошо так протянул, с присвистом. Да, ввязываться в такое дело - не самая умная затея.

- Она самая, - кивнул его собеседник. - Что я хочу от вас - проверить это и сообщить мне результат. Чтобы я знал, насколько мои опасения обоснованны.

– Вы же понимаете, что если они подтвердятся, я обязан сообщить в Сыск? – Вопрос Дитриха даже не был вопросом.

– Понимаю, – ответил инор. – Но, возможно, роль жены не столь уж велика и про нее можно забыть?

– Вас не беспокоит, что она может быть замешана в таком деле? – удивился Дитрих.

– Все мы в юности делаем глупости. А я уже не столь молод, чтобы привыкать к новой супруге. Меня полностью устраивает эта. Мне кажется, все дело в ее новом любовнике. Исчезнет он – исчезнут и проблемы.

– Вы знаете, кто он?

– Знаю. Но прежде чем прозвучит хотя бы одно имя, я хотел бы заключить с вами договор.

– Одно имя уже прозвучало, – заметил Дитрих, но решил, что время для шуток неподходящее, и начал лихорадочно выдвигать ящики стола и перебирать их содержимое. – Боюсь, я еще не все перенес в этот офис. А, нет. Нашел.

Он вытащил стандартный магический бланк с тусклой, еще не активированной печатью и гордо водрузил его перед посетителем. Какое-то время они занимались договором, а я размышляла над странным отношением этого инора к собственной жене – как к чему-то неразумному, являющемуся частью обстановки. Можно, конечно, поменять кресло, но оно удобное и почти новое. Вот только пружину заменить. К разговору их я не прислушивалась, хотя тема там затрагивалась интересная, напрямую меня касающаяся, если я останусь здесь работать. Обсуждали они плату за услуги. Пришедший инор торговался, словно у него пытались отнять последнее, а это наверняка было не так – и вид у него был преуспевающий, и молодая жена наверняка вышла за толстый кошелек, да и не будут частных сыщиков нанимать люди с ограниченными доходами. Лучше уж сами проследят. Наш клиент был магом, правда, не из самых сильных, но уж заклинание морока было ему по силам...

– Итак, все формальности соблюдены, – важно сказал Дитрих. – Что вы можете добавить к сказанному, инор Кремер?

– Разве что имена назвать, – ответил наш теперь уже заказчик. – Мое у вас в договоре. Имя жены не так давно прозвучало. А имя ее нынешнего любовника – Штефан Эггер.

Я еле сдержала изумленный возглас. Штефан балуется с запрещенной магией? Но это же невозможно – разве его взяли бы тогда на работу в магистрат Гаэрры? Там же всех проверяют очень тщательно...

– Штефан Эггер, говорите. – Дитрих бросил на меня выразительный взгляд. – И работает он в магистрате, не так ли?

– Попадал в зону ваших интересов?

– Не попадал, – ответил Дитрих. – Но чувствуется, пока.

Глава 5

Услышанное было неожиданным и пугающим. Я механически записывала все, что продолжали говорить Дитрих и инор Кремер, но мыслями была далеко от их обсуждений мелких деталей, которые мне казались совсем несущественными. Владел ли Штефан ментальной магией? Я не знала, речь об этом у нас ни разу не заходила, мы вообще говорили о чем угодно, только не о магии. Я не могла припомнить ни единого разговора, касавшегося этой области. Все это было тем более странным, что мы оба маги. Станным было также то, что мне совсем не хотелось его видеть. А ведь несколько месяцев назад он прочно сидел в моей голове, и я иной раз даже минутки считала до его прихода. А теперь – все как отрезало, осталось небольшое щемящее чувство какой-то неправильности.

– Про Эггера думаете? – прервал мои размышления Дитрих.

Я машинально записала его вопрос и лишь потом сообразила, что он спрашивает у меня. Чуть выше на листе тщательнейшим образом были задокументированы все подробности прощания Дитриха с клиентом, которого уже не было в офисе. Привычка записывать неинтересные лекции, не слушая, что там говорится, сыграла со мной злую шутку. Я немного смутилась и ответила:

– Да. После рассказа инора Кремера ни о чем другом думать не могу. Теперь мне все, с ним связанное, кажется подозрительным.

Я попыталась улыбнуться и не смогла. Гибель наставницы теперь представлялась мне не несчастным случаем, а чем-то злонамеренным, связанным с моим бывшим... А кем он мне был? Не знаю...

– Пожалуй, у вас есть на то основания, – согласился Дитрих. – Но даже инор Кремер не уверен в том, что жена практикует запрещенную магию. Она вполне могла и подсесть на орочьи травки. В таких случаях поведение не всегда выдает зависимость.

– Послушайте, Дитрих, – я заговорила торопливо, чтобы ничего не забыть, – я никогда не подозревала, что моя наставница занимается чем-то запрещенным. Это раз. Она очень тщательно следила за соблюдением техники безопасности и меня к этому приучила. Это два. Мне подчистили память примерно тогда, когда она погибла. Это три. Штефан резко ко мне охладел после ее смерти. Это четыре. И теперь к вам приходит инор с подозрением, что его жена занимается запрещенной магией в компании Штефана. Это пять. Все это не может быть случайным совпадением.

– Может, – ответил он. – Мне каких только совпадений не доводилось встречать. Самых невероятных.

Это прозвучало бы куда весомее, имей он за плечами опыт работы лет в двадцать-тридцать. Но в таком молодом возрасте, да еще в самом начале своей практики... Или не в начале? Сколько лет он работает?

– Дитрих, а сколько лет вы занимаетесь Сыском? – спросила я.

– Частным образом – полгода, – ответил он. – До этого шесть лет в Центральном отделении. Думаете, недостаточно компетентен? Поверьте, у меня была очень серьезная практика и остались нужные знакомства.

Хоть он и улыбался, было заметно, что мой вопрос его задел, поэтому спрашивать, почему он ушел из Сыска, я не стала, а вместо этого поинтересовалась:

– То есть вы считаете, что все это ничего не значащие совпадения и Штефан не имеет никакого отношения ни к случившемуся с наставницей, ни к стиранию моей памяти?

– Я считаю, что никого бездоказательно обвинять нельзя, Линда, – серьезно ответил он. – Конечно, Эггер выглядит очень подозрительно, особенно с учетом того, что вы перестали к нему испытывать какие-либо чувства сразу после того, как прекратили встречаться. Но, – он сделал паузу, – если бы он был причастен к смерти вашей наставницы и встречался с вами только для того, чтобы попасть к ней в дом, вы бы взлетели в воздух вместе с инорой Вернер, а не сидели бы здесь рядом со мной, гадая, кто влез к вам в голову и что он там убрал.

– Штефан у нее ни разу не был, – смутилась я. – Встречались мы не в академии, разве что в общежитие он ко мне приходил. И я действительно не помню, чтобы он хоть раз встречался с инорой Вернер. Может, именно это и убрал?

– Может. – Дитрих усмехнулся так, что я сразу поняла глупость своего предположения. – Линда, давайте для начала проконсультируемся у одного моего хорошего знакомого, менталиста? Сегодня я попробую с ним договориться, а завтра... – Тут он надолго задумался. – Утром у нас с вами переезд, да и не согласится он на утро, с обеда, когда встанет инора Кремер, нужно будет отработать аванс и хоть немного за ней проследить. Вдруг она не столь легкомысленна, как считает ее муж?

– Эмми наверняка именно их и видела, – вспомнила я.

– Ваша подруга? Она как-то описала спутницу Эггера?

– Сказала, что рыжая и вульгарная, – с каким-то мстительным удовольствием сказала я.

Про вульгарную я только что придумала, но мне просто необходима была хоть какая-то компенсация за все потрясения этого дня. А Дитриху достаточно того, что рыжесть – не столь уж и часто встречаемый признак, за который он тут же и ухватился.

– У иноры Кремер действительно рыжие волосы, так что не исключено, что ваша подруга видела именно их.

– Я могу ее расспросить. Эмми наблюдательна, возможно, припомнит что-то интересное.

– Линда, – серьезно сказал он. – Надеюсь, вам не нужно напоминать, что все, услышанное вами, разглашению не подлежит?

Его вопрос меня отрезвил. В самом деле, как мне ни хочется прямо сейчас поделиться с подругой, говорить ей ничего нельзя, пусть даже рассказ инора Кремера напрямую меня касается. До сих пор тайн от Эмили у меня не было.

– Но я могу расспросить ее и без упоминания о вашем расследовании, – предложила я.

– Расспросите, – согласился Дитрих. – Может, она вспомнит что-то интересное. А пока давайте вернемся в мой старый офис, я вам выдам защитный артефакт.

Если и была у меня мысль отказаться от работы, после этих слов она пропала окончательно. Выгодность любого предложения, которое мне могли сделать, перечеркивалась желанием себя обезопасить. Сейчас я согласна была даже отказаться от зарплаты, размер которой Дитрих мне так и не назвал.

Мы вернулись в то здание, в котором состоялось наше знакомство. В коридоре царил тишина и пустота. Где сейчас Эмми, я понятия не имела. На двери Дитриха не было ничего, кроме номера офиса. Никаких опознавательных знаков или торчащих бумажек. Интересно, как его нашел инор Кремер, если в том офисе даже быть никого не должно в это время?

– Дитрих, а вы давали объявление с указанием адреса того офиса?

– Все же я в вас не ошибся, – довольно ответил он мне. – Правильный вопрос, Линда. Не давал.

– Почему же вы не спросили инора Кремера, как он вас нашел?

– Здесь возможно два варианта, но в обоих случаях он ответил бы одно и то же – нашел случайно. Проходил мимо и озарило – вот оно то, что нужно. Бессмысленно спрашивать.

– Почему вы ему не отказали?

– Из-за того, что он мне кажется подозрительным? А зачем? Лучше держать таких в поле зрения. Если он попал ко мне не случайно, сделать это он мог как из-за меня, так и из-за вас. Все же прозвучала фамилия Эггера, которая для вас – не пустой звук.

А еще все это могло быть постановкой, рассчитанной специально на меня, – не зря же в офисе по соседству идет запись на театральные курсы. Эти мысли удивили меня саму. Никогда в жизни я не страдала излишней подозрительностью, а теперь начинаю думать плохо о человеке, которого до сегодняшнего дня и не знала. Да если бы не Эмми, я бы сюда совсем не пришла. Тогда нужно подозревать и ее, и продавца газет, подсунувшего мне нужную. Дитриху я говорить ничего не стала – все же он пока единственный инор, согласившийся взять меня на работу и даже пообещавший за это платить. Вот когда не расплатится, тогда и буду подозревать его во всех смертных грехах. И все же, почему он взял меня на работу? Вдруг по тому же правилу, что инора Вернера, – держать в поле зрения? «Соблюдай правила безопасности не только в лаборатории, но и в жизни», – неожиданно припомнилось одно из первых наставлений иноры Вернер. Сейчас я их точно нарушаю...

Обещанный артефакт Дитрих мне выдал, вручил и ключ от нового офиса, в который мне надлежало прийти завтра утром. После чего мы распрощались, и я решила заглянуть в соседнюю комнату, где была запись на театральные курсы. Вдруг Эмми еще там? Но там не было не только Эмми, но и кого другого, а неаккуратная бумажка, криво прилепленная к двери, намекала, что рабочее время уже закончилось и ждать здесь подругу бессмысленно. Я пошла домой и по пути размышляла о всех странностях этого дня. Неожиданно взгляд зацепился за вывеску целителя, обещавшего всяческую помощь, в том числе и ментальную, и я поняла, что мне просто жизненно необходимо подтверждение словам Дитриха о чистке в моей голове.

В приемной никого не было, но сам целитель появился очень быстро. Наверняка сработал сигнальный артефакт. Инор прикрывал рот рукой, но сонное состояние скрыть не мог – выдавали подпухшие глаза и отпечаток на щеке книги, на

которой он спал. При желании можно было даже разобрать пару букв. Но у меня такого желания не было – волновало меня совсем другое.

– Мне нужно узнать, были ли попытки ментального влияния на меня.

– Почему бы и не узнать? – Он отнял руку от лица и сладко зевнул. – Ваши деньги – наши ответы.

С этими словами он подсунул мне листочек с ценами. Цены впечатлили, но получить ответ на свой вопрос мне было намного важнее, чем сохранить остаток денег на счету, поэтому я храбро улыбнулась и спросила:

– Вы чеки принимаете?

Целитель радостно согласился принять чек, дождался, пока я его подпишу и вручу, и лишь потом отправился за артефактами, необходимыми для работы. Отсутствовал он долго, за это время я успела пожалеть о потраченных деньгах, но желания отказаться от обследования и уйти, их вернув, у меня все равно не появилось.

Возможно, целитель воспользовался предложением, чтобы доспать, поскольку появился он еще более помятым, чем до своего ухода, артефакты он не забыл, но его вид настолько не внушал доверия, что я поневоле задумалась, насколько правдив будет результат обследования. А то проспит все время, а потом выдаст мне, что ему приснилось. Но когда целитель приступил к работе, вид его разительно изменился: пропали сонные движения, на их место пришли уверенные и продуманные, взгляд стал цепким, проникающим до самой моей сердцевины. А басовитое жужжание включенного артефакта окончательно подарило мне уверенность, что все будет сделано как надо.

– Что я вам скажу, инорита, – важно заявил целитель по окончании. – Месяца два назад у вас в голове что-то стерли. Это точно.

Я почувствовала невероятное облегчение – если Дитрих про это сказал правду, наверное, и все остальное не столь страшно. Но с другой стороны, ему никаких артефактов не понадобилось для того, чтобы определить чужое вмешательство. Подозрения зашевелились с новой силой.

– Восстановить можно?

– Не знаю. – Он беззвучно зашевелил губами, словно что-то подсчитывая. Надеюсь, не мои деньги, которые собрался с меня выручить. – Должен предупредить, что это дорогостоящая процедура, и гарантий я дать не могу. Стирание грубое, чистой силой давили, после такого иной раз зацепиться не за что.

– То есть тех денег, что я уже заплатила, недостаточно? – невольно возмутилась я. – Фактически вы просто подтвердили то, что я и без этого знала.

– Так вы и платили только за ментальное обследование! – Его возмущение было таким искренним, словно я пыталась вытащить деньги из его кассы. – Его вам не во всяком целительском центре сделают!

– Да и вы сделали только с применением артефактов, – язвительно заметила я.

– Вот именно. Дорогостоящих артефактов, – подчеркнул он. – И взял с вас деньги фактически за их использование, не больше. Можно сказать, мою работу вы получили бесплатно.

– Ничего я не получила.

– Как это? А подтверждение ваших подозрений? Могу заключение дать для Сыска, – предложил он, посмотрел на мое насупленное лицо, наступил на горло собственной жадности и добавил: – Бесплатно.

– Давайте ваше заключение, – согласилась я, – если больше ничего сделать не можете.

– Я могу, – гордо ответил он, – но только то, за что мне заплатили. Благотворительностью королевские целители занимаются, за что им Корона платит. Будете оплачивать попытку?

– Без гарантий, что вы что-то сделаете? Нет, спасибо.

– Ваше право.

Он важно уселся за стол и стал писать заключение. С нежеланием писать – буквы у него и на буквы похожи не были, а уж слова из них составить было совсем невозможно.

– А попонятней вы писать можете?

– Кому нужно, разберет, – недовольно сказал он. – В Сыске у вас заявление примут на основании этой бумаги. А вам я и без этого сказал все, что здесь написано.

Он вытащил из-за пазухи печать на цепочке, отстегнул, активировал и шлепнул на заполненный бланк радужный оттиск. После чего немного полюбовался на дело рук своих и гордо вручил мне бумагу.

– Всего хорошего, инорита, – сказал он. – Надеюсь, я вам помог. Заходите еще.

– Непременно, – ответила я. – Как только лишние деньги появятся.

Он хохотнул, и на этом наше общение закончилось.

На улицу я вышла в глубокой задумчивости. Думала я не о том, подавать ли заявление в Сыск. Вовсе нет. Я все так же не могла понять, почему Дитрих взял меня на работу, зная о моих проблемах со Списанием и обнаружив, что в моей голове кто-то покопался. Такой секретарь для частного детектива – не самый хороший вариант.

– Вот ты где! – Эмми ухватила меня за руку и прервала мои размышления. – Я все бегаю от твоего дома к офису этого мага по особым поручениям, тебя ищу. А ты не торопишься. Что, и этот не взял?

– Этот взял, – вынуждена была я признать.

– Почему ты тогда такая грустная?

– Разве? – Я улынулась.

Нет уж, Эмми о моих очередных проблемах знать не нужно. Запрещенная магия, ментальная чистка, орочки травки – все узнанное за день перемешалось и никак не хотело раскладываться по нужным полочкам в моей голове. Возможно, потому что все это было тесно связано в один клубок, который только предстояло распутать?

– На счастливую ты не очень похожа, – заметила подруга. – Так. Маг по особым поручениям – это что? Какие такие у него особые поручения?

– Здесь как раз все просто – он занимается частным сыском, – пояснила я. – В основном – за неверными супругами.

– Сыском, – разочарованно протянула Эмми. – А я-то думала... Ты из-за этого и расстроилась, да? Не переживай, главное, что работа пока есть, а потом история с Вернер забудется и найдешь нормальную. Маг этот, который сыщик оказался, ничего так, молодой, симпатичный. С таким приятно поработать рядом...

Ее намеки мне совершенно не понравились.

– На театральные курсы тебя отправил, – напомнила я.

– Проницательный, это точно, – довольно сказала Эмми. – Там сразу сказали, что у меня хорошие актерские способности. Буду ходить два раза в неделю на занятия. Нельзя же талантом пренебрегать?

– Нельзя, – согласилась я.

Что ж, работа действительно пока есть. А еще есть непонятности с Дитрихом. Спросить его прямо? А не получится ли, как в случае с инором Кремером – «Здесь возможно два варианта, но в обоих случаях он ответил бы одно и то же»? Тогда используем и второй принцип – держать подозрительную личность на виду. И это совсем не сложно, если она, эта личность, – твой работодатель.

Результаты сегодняшнего дня ужасно воодушевили Эмми – собственное поступление на театральные курсы и то, что мне наконец удалось прервать черную полосу неудач, вызвало у нее прилив счастливого энтузиазма. Поэтому всю дорогу до моего дома она строила разнообразные планы, первым пунктом в которых неизменно было отпраздновать мою новую работу хотя бы совместным чаепитием. Поневоле я начала заражаться ее радостью, и все страхи, связанные со странностями этого дня, стали казаться незначительными. Страхи, но не подчищенная память. Пусть Дитрих уверен, что это воспоминание было для меня неважным, если я с ним так легко рассталась, но ведь было же там что-то, из-за чего неизвестный менталист так грубо со мной обошелся? Что-то, для него опасное?

Эмми теребила меня, не давая сосредоточиться, и я решила, что подумаю про все это потом, когда останусь одна. А пока, в самом деле, не купить ли по пирожному и не посидеть ли с подружкой на уютной кухне? Но судьба распорядилась иначе. Когда мы с коробкой из кондитерской подошли к моей двери, то с удивлением обнаружили там Штефана. Штефана, который только сегодня сказал Эмми, что мы расстались.

– Линда, прекрасно выглядишь, – сказал он, ничуть не смущаясь, и протянул мне просто неприличных размеров букет роз.

Вид у него при этом был такой, словно он и не пропадал никуда, а лишь вчера со мной простился. И не просто простился, а пообещал непременно сегодня зайти, что и выполняет. На миг я даже засомневалась, а был ли недавний разговор с Эмми или он мне просто приснился. Но у подружки никаких сомнений не возникло.

– Хотела бы я знать, инор Эггер, – возмущенно сказала она, – что вы тут делаете?

– Как что? – недоуменно спросил он. – Я пришел к Линде.

– Зачем это? – продолжала напирать подруга. – Вы сами мне сказали не так давно, что с ней расстались. Что вам от нее надо?

– Эмми, милая, к чему такая официальность? – Он улыбнулся чуть смущенно. – Ты сегодня на меня так налетела, что я растерялся.

– Еще бы не растерялся. – Возмущение подруги никуда не делось. – Как только совести хватает после этого приходиться сюда и смотреть Линде в глаза?

– Эмми, ты не даешь ему сказать, зачем он все-таки пришел. – Я влезла в их милый разговор, потому что в противном случае он грозил затянуться. – Итак, Штефан, я тебя слушаю.

– Нехорошо сегодня получилось, – серьезно ответил он. – Твоя подруга на меня набросилась настолько неожиданно, что я растерялся и ляпнул глупость, которую, как я вижу, она тебе уже пересказала.

– Если бы ты не считал себя свободным, не встречался бы с другими, – заметила я.

– Линда, это совсем не то, что ты думаешь. У нас была деловая встреча, – заявил он. – Важный разговор, который твоя подруга чуть было не свела к нулю. Нет, я очень рад, что она так о тебе заботится, но сегодня она мне сильно помешала.

И он с таким укором посмотрел на Эмми, словно она сделала что-то неприличное на глазах целой толпы, а потом в этом обвинила его. Но подруга не стушевалась.

– Странное дело, чем это я могла помешать вашим переговорам, инор Эггер? Неужели своим вопросом, не стыдно ли вам изменять моей подруге? Так вы честно ответили, что не стыдно, поскольку вас с ней больше ничего не связывает. Тем удивительнее мне видеть вас здесь.

– Эмми, я же сказал, – укоризненно произнес он, – что ляпнул глупость. От неожиданности. Линда, ты же не можешь всерьез думать, что это правда?

– А что я должна была думать, если ты ко мне совсем перестал приходиться? Рассказ Эмили только подтвердил то, что давно уже стало правдой.

Удивительно, но этот разговор меня скорее смешил, чем расстраивал. Словно не было многочисленных встреч со Штефаном, красивых слов, жадных поцелуев, которые он стремился получить при любой возможности. Словно все это было не со мной, а с кем-то другим, и сам он – совершенно посторонний человек, из тех, что проходят мимо, оставляя лишь смутную память. Более того, теперь я не

могла понять, что заставило меня когда-то уступить.

- Линда, это совсем не так! - возмущенно сказал он. - Все это время меня в Гаэрре почти не было, а когда я здесь появлялся...

- Отправлялся к тому рыжеволосому деловому партнеру, - безжалостно сказала Эмми. - Вот и занимайся своими делами дальше. Не лезь к Линде.

- Да что это такое! - возмутился он. - Эмили, ты мне сегодня постоянно мешаешь! Ты не могла бы нас с Линдой оставить вдвоем?

- Не могла, - резко ответила я вместо подруги. - У нас с ней планы на этот вечер.

- Линда, и ты туда же, - расстроено сказал он. - Нет у меня ничего с той инорой из того, что Эмили повыдумывала.

- Я ничего не повыдумывала, - почти спокойно ответила подруга. - Я ей просто рассказала все, как было. Что встретила тебя с рыжей красоткой и что ты заявил, что у вас с Линдой все давно закончено.

- Я хотел предотвратить скандал, - спокойно ответил Штефан. - Ты меня в чем только не обвиняла.

Подруга немного смутилась, и я поняла, что обвинений было очень много и не все они соответствовали действительности. Наверняка она приукрасила, как это за ней водится. Возможно, на театральных курсах не так уж были не правы, когда выявили в ней артистичную натуру?

- Штефан, может быть, все же объяснишь, зачем ты пришел? - Его присутствие скорее меня тяготило, чем радовало. - И мы закончим этот никому не нужный разговор.

Он протянул мне букет, но я сделала вид, что этого не заметила, и продолжила вопрошающе на него смотреть.

- Линда, - он страдальчески возвел глаза к потолку, - мне очень мешает Эмили. Само ее присутствие тут лишнее.

Я выразительно взяла подругу под руку. Даже говорить ничего не стала. Пусть не надеется, что ему удастся остаться со мной наедине. Я не знаю, кто и зачем залез в мою голову два месяца назад, но Эмми я доверяю значительно больше. Как-то с ней безопаснее.

– Линда, – расстроено сказал Штефан, – ты меня убиваешь своим недоверием. Я последние два месяца все по делам магистрата мотался. Из телепорта в телепорт. Меня поддерживала лишь надежда, что меня здесь ждут.

– В самом деле? – недоверчиво сказала я.

– Линда, почему ты мне не веришь? – с обидой в голосе продолжил он и взял меня за руку. Как-то так взял, что в памяти сразу ожили все хорошие моменты нашего романа. Не так уж и мало их было... – И все же, дорогая, я хочу поговорить с тобой наедине.

В груди разлилось тепло, показавшееся приятным ровно до тех пор, пока я не поняла, что тепло не внутри меня, а снаружи и идет от защитного артефакта. Это что, он на меня сейчас влиять пытается? Я резко выдернула руку.

– Штефан, при приеме на работу в магистрат ты непременно должен был подписывать бумагу, в которой запрещается использовать ментальную магию для собственных нужд.

– Разумеется, подписывал, – недоуменно сказал он и опять попытался взять меня за руку. – При чем тут это? Я слабый менталист, Дар в этом направлении почти не использую.

– Сейчас ты действуешь в пользу Гарма, не иначе, – разозлилась я от столь наглого притворства.

– Ты хочешь сказать, что я на тебя ментально влияю? – возмутился он. – Что за ерунду ты несешь, Линда?

Я чуть вывернула край выреза и показала приколотый артефакт. Эмми торжествующе хмыкнула. Не знаю, ожидала ли она с его стороны такого прокола, но сейчас, без всякого сомнения, была ему очень рада.

– Никакая это не ерунда, Штефан, – сказала я. – Ты даже за руку меня специально взял – при тактильном контакте ментальное воздействие легче проходит. Это даже я знаю.

– И что я, по-твоему, хотел сделать?

– Для начала – убедить меня переговорить с тобой наедине, – уверенно ответила я. – А что ты там дальше хочешь, знаешь только ты.

Штефан смущаться не стал. Напротив, выглядел он сейчас скорее оскорбленным в лучших чувствах. Подбородок, на котором Эмми в свое время находила все признаки породистости, гордо задрался вверх. Но выпятившийся при этом кадык не способствовал привлекательности образа.

– А почему ты не обвиняешь Эмили? – возмутился Штефан. – Она точно так же держит тебя за руку, и у нее тоже есть мотив – не дать нам переговорить наедине. Она уже влезла между нами и наговорила всяких пакостей.

– Зачем ей это, Штефан? – усмехнулась я.

– Затем, что она с самого начала строила мне глазки, особенно когда была уверена, что ты этого не видишь, – нагло заявил он. – И прижималась при каждом удобном случае. Я тебе не хотел говорить, чтобы не расстраивать. Но сейчас твоя... гм... подруга перешла всякие границы.

– Что? – Эмми отпустила мою руку и шагнула вперед. Щеки ее пылали. – Что за вранье?

– Какое еще вранье? – раздраженно сказал он. – Ты мне в любви призналась на второй день знакомства. Скажешь, не так?

– Не так! – Эмми чуть не рыдала и умоляюще на меня смотрела. – Линда, не верь ему. Ничего такого не было. Ты же меня знаешь столько лет. Разве я на такое способна?

Я растерянно переводила взгляд с него на нее. Оба выглядели уверенными в собственной правоте. Но кто-то из них врал. Врал нагло, безо всякого

стеснения. Ни за кем из них раньше я не замечала умения, необходимого для подобной игры. У Эмми сегодня нашли актерский талант, но был ли он, или в той конторе лишь желали заработать на простодушной инорите? Штефан ей действительно понравился при первой же встрече, но стала бы она за моей спиной его отбивать? Знать бы, что у меня стерли, может, и определенность какая-то появилась.

- Ты мне не веришь? - У Эмми задрожали губы, и она горестно всхлипнула. - Да я к ментальной магии даже способностей не имею.

- Не имеешь или не показываешь?

- Штефан, почему же в таком случае она не попыталась влиять на тебя?

Он молча вытащил из-за пазухи связку. В самом деле, как это я забыла, работающим в магистрате не просто выдают ворох защитных артефактов, их еще обязуют их постоянно носить. И все же в пользу Эмми говорила наша многолетняя дружба. Да и не пропадала она, как Штефан, после гибели наставницы. Или - убийства? Эмми всхлипнула, и я взяла ее за руку. Подумаю обо всем этом позже, когда останусь одна и никто не будет пытаться вынудить меня принять сторону одного из них.

- Штефан, и все же, что ты хотел?

- Я? - чуть растерянно переспросил он, так и не отводя неприязненного взгляда от Эмми. - Чувствую, она от тебя сегодня не отлипнет, значит, придется говорить при ней. Линда, я считаю, что в наших отношениях пора прийти к определенности.

Я лишь чуть приподняла бровь в знак вопроса. О какой еще определенности может идти речь, если он ясно сказал Эмми, что мы расстались? Что может быть более определенным?

- Линда, ты должна выйти за меня замуж! - выпалил он.

И даже достал из внутреннего кармана обручальный браслет. Огромный букет ему ужасно мешал, но я не торопилась принимать что-либо. Месяц назад - да что

там месяц! – еще вчера я бы с радостью согласилась. Но за это время многое изменилось, и желание связывать себя на всю жизнь с этим инором пропало.

– Не помню, когда я успела тебе задолжать, – заметила я. – Ты считаешь нормальным бросить меня в одиночестве на длительный срок, заявить моей подруге, что у нас все кончено, а потом прийти как ни в чем не бывало и сказать, что я что-то там тебе должна?

– Линда, я не могу подобрать нужных слов, когда Эмили не сводит с меня глаз, – помрачнел Штефан. – Все, что я хочу тебе сказать, предназначено лишь тебе.

Эмми презрительно фыркнула. Полагаю, после сегодняшнего Штефан потерял для нее всю привлекательность, вне зависимости, говорил он правду или нет.

– Линда, раньше ты отказывалась идти со мной в храм, так как тебе надо было окончить академию, – продолжил Штефан. – Но сейчас ты не только окончила, ты не можешь найти работу, а значит, я обязан о тебе позаботиться.

И в самом деле, он предлагал пойти в храм почти сразу после нашего знакомства, но я тогда отговорила необходимость окончить обучение, да и не нравился он мне настолько. А потом тема эта ни разу не поднималась. Выходит, он ждал, когда я получу диплом? Но все же...

– Подожди, – удивилась я. – Откуда ты знаешь про мои проблемы с работой?

– Она сказала сегодня. – Штефан кивнул в сторону смутившейся Эмми. – Так и вопила на всю улицу: «Как тебе не стыдно, она с голоду скоро умирать будет, а ты здесь с девицами развлекаешься!» Линда, ты мне очень дорога. Если я не пришел с браслетом раньше, то лишь потому, что после смерти Вернер у магистрата возникло очень много вопросов, для решения которых мне, и не только мне, пришлось хорошо поехать по Гарму. Слишком давно в Гаэрре не было подобных случаев. Лет двадцать, не меньше.

– И все же, Штефан, теперь мои проблемы – не твои, – непреклонно сказала я. – А твои – не мои. То, что ты сказал Эмми, лишь подтвердило мои собственные мысли. Между нами все кончено, Штефан.

– Линда, я был уверен, что она сразу побежит к тебе, – расстроено сказал он. – Повторю. От агрессии твоей подруги я растерялся и сказал глупость. Ну же, Линда, нельзя быть такой обидчивой. В любом случае я за тебя волнуюсь. Эмили любит преувеличивать, но если ты не можешь найти работу, то ситуация действительно серьезная.

– Можешь не волноваться, Штефан, – улыбнулась я. – Как раз сегодня работа у меня появилась.

– В самом деле? – Он заметно удивился. – И кто тебя взял?

– Частный сыщик, – пояснила я. – Я устроилась секретарем к частному сыщику.

– Ты с ума сошла! – возмутился Штефан. – С твоим Золотым дипломом идти в девочки на побегушках? Как можно? Линда, заканчивай маяться дурью, в храм идем прямо сейчас.

Он опять попытался ухватить меня за руку. Но я свою руку ему давать не собиралась ни в прямом, ни в переносном смысле. Не так их у меня много, этих рук, чтобы ими разбрасываться.

– Штефан, работа секретарем для меня предпочтительней брака с тобой, – твердо сказала я. – Прощай, и не приходи ко мне больше.

Штефан зло посмотрел на Эмми, подруга расплылась в улыбке, одновременно довольной и ехидной. Она полностью поддерживала мое решение. А вот я... Я теперь ни в чем не была уверена. Ведь вполне может быть, что прав сейчас как раз Штефан...

Глава 7

Новое место работы поутру встретило меня пустотой. Небрежно запиханное в шкаф одеяло с подушкой намекали, что работодатель здесь ночевал. В комнате, которая гордо называлась лабораторией, стояли еще горячий чайник и грязная чашка с остатками чая, которую я тут же вымыла, чтобы не портила

вид лабораторного стола. Я еще раз с сомнением посмотрела на набор из «Юного алхимика». Вполне возможно, что на непосвященное лицо он произведет гораздо более правильное впечатление, чем на меня. Блестящие новехонькие колбы, мензурки и пробирки способны отвлечь кого угодно. Не на это ли рассчитывал Дитрих?

Я прошла заклинанием уничтожения пыли по обоим помещениям и села за свой стол. Больше делать мне было нечего. Даже цветы не полить, поскольку цветов никаких не было. Завести, что ли? Вон в том углу прекрасно встанет фикус, а традесканция оживит угол шкафа. Я обдумывала, что лучше встанет на подоконник – несколько горшков с фиалками или один с чем-то посолиднее, когда Дитрих наконец вернулся. Тащил он сразу несколько коробок – вовсю шел переезд из старого офиса в новый.

– Линда, вы так пунктуальны, – пропыхтел он и свалил коробки в угол. – Все, еще защиту здесь поставлю, и будем считать переезд свершившимся. А у вас что новенького?

– Мне вчера пригодился выданный вами артефакт.

Я не стала тянуть и выложила все, что вчера случилось. Со своим отношением к действующим лицам я так и не смогла определиться до конца. Оба они – и Эмми, и Штефан – были слишком убедительны, чтобы до конца увериться в виновности одного из них. И, рассказывая все это частному сыщику, я думала, что уж он-то точно сможет подсказать, кому верить. Выбор-то не слишком велик!

– Не хочу вас огорчать, Линда, – заметил Дитрих по окончании моего рассказа, – но к ментальному воздействию мог быть причастен и кто-то третий.

– Как это? – удивилась я. – Только эти двое держали меня за руку. А всем известно, что менталистам для лучшего контакта требуется...

– Для лучшего, – прервал меня Дитрих. – То есть это желательное условие, но совсем не обязательное. Хорошему менталисту достаточно настроиться на вашу ауру на близком расстоянии. Он мог сидеть этажом выше и вовсю ломиться к вам в голову, а вы могли это заметить не сразу, поскольку были увлечены разговором и не ожидали подвоха. Вы ведь даже не сразу поняли, что артефакт

сработал.

– У меня подобного опыта до сих пор не было, – заметила я. – Получается, я не только не могу кого-то исключить из подозреваемых, но мне приходится думать, что есть еще кто-то третий?

– Правильно, подозревайте всех. – Дитрих широко улыбнулся, от чего стал необычайно привлекательным. – Больше вероятности, что все будет в порядке.

– И вас? – не удержалась я.

– Меня? – удивился он. – Меня-то в чем?

– Не знаю, – ответила я. – Но мне теперь кажется, что вы тоже меня не случайно на работу взяли.

Возможно, я сказала это зря, но мой начальник улыбнулся еще шире и с необычайно хитрым видом сказал:

– И правильно кажется. Для работы секретарем у вас слишком высокая квалификация.

Ответ был для меня неожиданным и тем страшнее оказался. Неужели я права и Дитрих тоже в чем-то замешан? В голову полезли всякие ужасные предположения, никак поначалу не вязавшиеся с тем молодым инором, который с легкой улыбкой наблюдал за моим смятением. Пока я не вспомнила, что артефакт дал мне он, а значит, может сейчас и обходить защиту каким-то неизвестным мне образом. Ментал в нашей академии совсем не преподавали. С одной стороны, это было неплохо – меньше бессмысленной нагрузки, поскольку способностями к этому разделу обладали единицы, с другой – порождало массу разнообразных слухов и домыслов.

– Дитрих, тогда почему вы меня взяли? – выдавила я.

– Вы хотите честного ответа? – зачем-то уточнил он.

– Конечно. Зачем мне нужна неправда?

– Тогда я вам отвечу через неделю, – неожиданно сказал он.

– Почему через неделю? – возмутилась я. – Я хочу знать сейчас. Возможно, от этого зависит моя безопасность.

– Вряд ли, – не согласился Дитрих. – Но скажу я вам только через неделю. Раньше никак.

– Я от вас увольняюсь.

– Тогда вы никогда не узнаете, почему я вас взял.

Речь шла об очень серьезных вещах, а Дитрих откровенно развлекался. Это меня настолько разозлило, что я схватила одну из принесенных им папок и стукнула по его наглой белобрысой голове. Точнее, хотела стукнуть, поскольку он отклонился и удар пришелся вскользь по плечу. Он участливо спросил:

– Как, легче стало?

– Меня никто не смеет шантажировать, – ответила я.

– Линда, разве я вас шантажирую? – удивился он. – Я просто сказал, если уйдете – не узнаете. Вдруг эта информация напрямую касается моей деятельности? Не могу же я ее выдавать кому попало?

Я сама удивилась своему поведению – Штефан не вызывал у меня столь сильных чувств, даже когда Эмми рассказала, что видела его с другой, а Дитрих всего лишь отказывается рассказать что-то, пусть и касающееся меня напрямую. Я никогда не находила в себе склонности к членовредительству, да и вспомнила, что в моем положении рабочими местами не разбрасываются, да еще и придется сдать артефакт. А вчера он мне очень даже помог. Я с сожалением покачала в руке тяжелую папку, поняла, что с ее помощью выбить все равно ничего не удастся, и почти миролюбиво спросила:

– А почему именно через неделю? Не через месяц? Не через год?

– Если хотите через месяц или год, возражать не буду. – Он необычайно ехидно улыбнулся. – А теперь, когда мы решили вопрос с доверием ко мне...

– Не решили, – напомнила я.

– ...я хотел узнать, не рассказала ли вам подруга что-нибудь еще интересного про спутницу этого Эггера, – невозмутимо продолжил он. – Линда, и положите наконец папку на место, она вас отвлекает и мешает думать.

С этим я вынуждена была согласиться. Папка в руках наводила меня совсем не на такие мысли, которые должны были быть у секретаря по отношению к собственному начальнику. Мне все так же хотелось узнать, что прочнее: его голова или эта папка, и я ничегошеньки не могла с этим желанием поделаться, хотя прекрасно понимала, насколько неблагоприятно бить работодателя. Я вздохнула и с сожалением положила свое орудие выбивания правды на стол. И даже отодвинула от себя подальше, чтобы не соблазниться.

– Нет, она сама больше ничего не рассказывала, а я у нее не стала спрашивать, – по возможности спокойно ответила я. – Эмми вскипала сразу, как упоминалось имя Штефана. Она очень обиделась на него, просто до слез.

– Обидеться она могла из-за того, что Эггер выдал ее маленькую женскую тайну, – невозмутимо сказал Дитрих. – Подруги иной раз за спинами друг у друга такое выделывают, вы не представляете, Линда. Но все равно продолжают считать себя подругами.

– Эмми не такая, – убежденно сказала я. – Она не стала бы пытаться заинтересовать инора, с которым я встречаюсь.

– Возможно, – сказал Дитрих, хотя сомнение в правдивости моей подруги никуда из его взгляда не делось. – Так. Планы на этот день. Сейчас я закончу с защитой офиса и уйду наблюдать выход иноры Кремер в люди – раньше полудня, по словам мужа, она не выползает. Примерно прикидываю, что она из себя представляет, и возвращаюсь сюда.

– А разве вам не надо за ней весь день наблюдать? – удивилась я.

– Мне? Не надо, – уверенно ответил Дитрих. – Я в основном головой работаю, а ее передвижения и встречи может записать и другой. Затем мы с вами, Линда, идем... хотел было сказать «на ужин», но нет – к менталисту, с которым я договорился. А поужинаем после него.

– Вы меня приглашаете на ужин? – уточнила я.

– Если вы будете в состоянии есть, непременно приглашу, – ответил он. – Или у вас другие планы на этот вечер? Связанные с инором Эггером?

– Планов, связанных с инором Эггером, у меня нет, – ответила я. – С чего вы вообще взяли, что они могли появиться? Я вам вчера сказала, что мы со Штефаном расстались.

– Мало ли как могло повлиять неожиданное предложение руки и сердца, – усмехнулся Дитрих. – Но мы отвлеклись от главного: вы согласны со мной поужинать?

С ответом я не торопилась, хотя хотелось согласиться. Но слишком все это было странным. На краткий миг мне даже показалось, что он пытается за мной ухаживать. Или отвлечь от чего-то более важного? Да, конечно же, отвлечь. О каком ухаживании может идти речь со стороны частного сыщика? Да он наверняка настолько привык играть разные роли, что ему и театральные курсы не нужны. Или же он их давно окончил с отличием, да еще и учился со скидкой, положенной для соседнего офиса. Оценил же он игру Эмми невысоко, значит, разбирается. И все же зачем он меня приглашает? Не ответит ведь. Зато я тоже могу провести время с пользой и попытаться выяснить, почему же он меня взял на работу.

– Конечно, Дитрих, – улыбнулась я ему как можно обаятельней.

Так, чтобы, если он пытается все же за мной ухаживать, непременно растаял и освободил от работы до конца дня. И не просто освободил, а раскаялся и выложил, почему взял. Не зря же он говорил о моих красивых глазах и толпах поклонников.

– Ну и замечательно, – улыбнулся он мне в ответ. – Пока я заканчиваю с защитой этого помещения, можете приступить к своим прямым обязанностям и сделать

мне чай. Пыль, я смотрю, вы уже убрали? Похвально.

Я еще раз убедилась, что как лицо противоположного пола его не слишком занимаю, и все время, что заваривала чай, размышляла, зачем же он меня в таком случае взял. И правда, для заваривания чая мое образование слишком велико. А для протирания пыли оно чрезмерно. Тогда зачем?

Я вернулась в главную комнату. Дитрих все так же занимался защитой, и я сочла лучшим его не тревожить – еще ошибется где-то и получит на выходе не то, что хотел. А внутри защищаемого помещения нахожусь я. И это прямое нарушение техники безопасности! Как я раньше не подумала? Наверное, потому, что голова сейчас занята совсем другим. Но Дитрих, он же должен был потребовать от меня уйти, и не в соседнюю комнату, а наружу. Все это я ему и высказала, лишь только он закончил свое ответственное дело. Оправдываться он и не подумал. Взял принесенный мной чай и с наслаждением отхлебнул глоток.

– Линда, если бы вы положили одну ложку сахара, было бы совсем замечательно, – сказал он.

– Я сахар не видела. Но я вам о другом говорю, более важном.

– Сахар в шкафу для реактивов, в баночке без наклейки.

– Как это в шкафу для реактивов? – невольно возмутилась я. – Он должен отдельно стоять.

– У меня реактивов все равно пока никаких нет, – пояснил он. – А так солидности придает.

– Да кто там ее увидит, эту солидность, кроме меня? – начала я выговаривать, потом поняла, что он опять пытается меня отвлечь, и продолжила ему выговаривать: – А вот то, что вы меня не попросили выйти на время наложения защиты...

– ...было совершенно правильно, – закончил он мою фразу. – Я до вашего прихода почти все сделал. Осталось настроить на вас. Линда, согласитесь, без вас это я сделать никак бы не смог.

На это мне было ответить нечего. Дитрих допил чай, выдал мне краткую инструкцию, заключающуюся в регистрации посетителей в журнале, в котором, опять же, не иначе как для солидности, велись записи с середины, а всем листам до нее был придан вид бывших довольно давно в употреблении. Но сам мой работодатель не очень-то был уверен, что этот журнал мне понадобится, поскольку милостиво разрешил сходить на обед при условии, что я не забуду активировать защиту.

Время до обеда мы провели вдвоем с журналом, никем не побеспокоенные. Я его лениво перелистала, после чего у меня возникли обоснованные сомнения, что Дитрих сможет мне вообще что-то заплатить. Но другого работодателя у меня все равно не было, а этот выдал защитный артефакт, договорился с менталистом и собирался покормить ужином, что в моем положении – несомненный плюс. Я походила по офису, делать было совершенно нечего. С горя я сложила Дитрихову постель более аккуратно и положила в шкаф так, что тот смог наконец закрыться. Бесполезные размышления, кто и зачем стер мою память, я старалась от себя гнать. Вот сходим вечером к менталисту, возможно, что-то и прояснится, а до этого – думай или нет – ничего не изменится. Вместо панических мыслей в голову начали лезть всякие глупости. И как только Дитрих умудряется тут спать? Разве что на полу? Стулья его точно не выдержат – тот, на котором я сижу, подозрительно поскрипывает при каждом движении. На всякий случай я немного на нем покачалась, чтобы убедиться в прочности. Стул устоял. Никогда не думала, что быть секретарем частного сыщика настолько скучно. Создавалось впечатление, что во всей Гаэрре не происходит ничего такого, что требовало бы срочного или несрочного, но непременно оплачиваемого вмешательства. До обеда ничего не произошло, так что я безо всяких угрызений совести отправилась в ближайшее кафе. Вряд ли криминальная ситуация сильно изменится за время, что я буду есть.

Столик для обеда был выбран не случайно – рядом с ним стоял большой горшок с фикусом, лист от которого переключивал в мой карман. Фикус был большой и развесистый, без одного листа ему даже лучше, а мне срочно нужно было найти занятие в офисе.

Дитрих пришел, когда я уже с тоски прочитала найденный справочник алхимика-криминалиста и даже поначалу вдохновилась, пока не поняла, что все это – бесполезно для человека, кому в обязанность вменяется слезка за неверными женами. Хотя в случае инора Кремера наклеивалось нечто намного более интересное, но кто мне в этом интересном даст поучаствовать? Работы алхимику там не предвиделось, а на слезку меня никто не поставит. С моим опытом меня засечет первый же выслеживаемый. Штефан непременно решит, что это я из ревности, и вдохновится на второе предложение. А я и так его вчера не смогла убедить, что то, что он в растерянности выдал Эмми, – самая что ни на есть правда.

Одному сосуду из алхимического набора я все же нашла применение – в колбе гордо красовался лист фикуса. Конечно, можно было бы ускорить его прорастание магически, но потом же нужно будет все время вливать в него магию. А так я просто добавила в воду зелье, помогающее укоренению, отчего она приняла красивый нежно-голубой цвет, и посчитала, что этого достаточно.

– Маскируем улики? – деловито спросил Дитрих, поднял с моего стола колбу и начал крутить перед глазами.

– Дитрих, поставьте на место, пожалуйста, – ответила я. – Укореняющиеся растения не любят, чтобы их дергали.

– Вы этот лист укореняете? Зачем?

– В том углу жизненно не хватает фикуса, – ответила я. – Поэтому с меня – растение с корешком, с вас – все, что нужно для его посадки.

– С меня?

– Он же будет украшать ваш офис.

– Разве что так. – Задумчивость из взгляда Дитриха не ушла, но колбу на стол он поставил. – А почему там такая странная вода?

– Добавка для укоренения.

– Лист стащили из ближайшего кафе, – укоризненно заметил он. – Что там будут думать о моих подчиненных?

Я не могла понять, серьезен он или шутит, поэтому лишь плечами пожала. Конечно, если все начнут таскать листья из кафе, то тамошний фикус очень быстро облысеет и потеряет свою привлекательность. Но пока листьев там много, а желающих улучшить интерьер за их счет – мало. Не уверена, что они вообще до меня были.

– Почему вы решили, что лист оттуда?

– Обедать вы ходили наверняка куда-нибудь поблизости. Такое растение есть лишь в одном заведении. Листья без корней в цветочных магазинах не продаются. Линда, не переживайте, я готов посмотреть на ваше поведение сквозь пальцы. Все же вы первая инорита, пошедшая на воровство ради моего офиса.

– Не думаю, что это можно назвать воровством, – с некоторым сомнением сказала я. – Мне просто интереснее что-то вырастить с самого начала, чем купить готовое.

– Будем считать, что вы отработывали навыки, полезные в нашей профессии. – Дитрих окончательно потерял интерес к листу и даже ничего не сказал по поводу того, в каком сосуде фикус укореняется. – А теперь, Линда, нас с вами ждет менталист.

– А инора Кремер? – начала было я.

– А инора Кремер никого не ждет. А вот ее ждали, – усмехнулся Дитрих. – Думаю, вы догадываетесь, кто?

– Штефан, – уверенно ответила я.

– Он самый, – кивнул Дитрих. – Удовлетворили любопытство?

Любопытство я не удовлетворила, но расспрашивать дальше – выказывать себя ревнивой дурой. Хотя меня и волновало, выглядела ли их встреча похожей на

встречу двух возлюбленных, но не потому, что я ревновала Штефана, а потому, что хотела выяснить, говорил ли он вчера правду.

Дитрих закрыл офис, активировал защиту и как благовоспитанный инор предложил мне руку. Меня сильно беспокоила предстоящая процедура, особенно когда вспоминала намеки, что я после нее могу и не захотеть ужинать. Возможно, поэтому Дитрих меня и пригласил? В надежде сэкономить? Его присутствие меня не успокаивало, напротив – тревожило, и очень сильно. Сам он даже не пытался меня успокоить, лишь загадочно молчал. Когда мы направились в ту же сторону, где мне вчера выдали справку, я поначалу подумала, что наш путь там и закончится. Но нет – даже не доходя до того здания, Дитрих повернул направо, потом налево, потом повороты стали так причудливо чередоваться, что я заподозрила – он пытается меня запутать настолько, чтобы без него я не нашла дороги назад. Но эту часть Гаэрры я знала довольно хорошо, так что не потеряюсь ни с ним, ни без него. Когда мы в третий раз вышли на один и тот же перекресток, но с разных сторон, я не выдержала:

– Дитрих, а зачем мы ходим кругами?

– Вариант, что мне приятно пройтись по улице с красивой иноритой, вас устроит?

Если Дитрих и был недоволен моим вопросом, он этого никак не показал, напротив – попробовал отшутиться.

– Нет, для этого кругами ходить не обязательно.

Он неопределенно хмыкнул.

– И все же, Дитрих, зачем мы так странно идем?

– Для конспирации, – пояснил он.

Его ответ меня успокоил – значит, он пытался запутать не меня, а некоего потенциального наблюдателя, чтобы тот потерялся в хитросплетениях гаэррских улочек и не смог нас проследить до конечной точки нашего пути.

- А кто за нами может следить? - решила я уточнить.

- Мало ли, - туманно ответил он. - Кто бы ни следил, ему совсем не обязательно знать, куда мы с вами идем. Пусть считает, что мы обычная прогуливающаяся парочка.

- Для обычной прогуливающейся парочки мы идем по странному маршруту и слишком быстро, - чуть понизив голос, наверное, тоже для конспирации, сказала я.

- Да? - Дитрих снизил скорость. - Теперь больше похожи?

На мой взгляд, теперь, когда мы шли медленнее, а Дитрих еще и наклонился ко мне с необычайно внимательным видом, на прогуливающуюся парочку мы были похожи много больше, но я дипломатично сказала:

- Вам виднее, вы же специалист по конспирации.

- Иногда полезен взгляд со стороны, - заметил он. - Впрочем, мы уже пришли.

Он церемонно открыл передо мной тяжелую дверь подъезда и приглашающим жестом указал внутрь. Внутри было темно, и пахло оттуда сыростью. Внезапно мне стало страшно. Не знаю, чего я боялась больше - что этот менталист не сможет ничего выяснить или что сможет и все там окажется совсем ужасным. Я замерла на пороге, не решаясь сделать шаг, отделяющий шумную жаркую улицу от тихого и прохладного подъезда.

- Линда, все будет хорошо, - попытался подбодрить меня Дитрих. - Чем быстрее зайдем, тем быстрее выйдем. Карл - прекрасный менталист. Если можно вытащить, он вытащит, уж поверьте.

- Главное, чтобы еще чего-нибудь неважного не стер, - нервно пошутила я.

- С вами же я, я непременно прослежу, чтобы все прошло как надо, - бодро ответил он. - Стирать я ему ничего не позволю.

– Дитрих, я вас совсем не знаю, – заметила я. – И о вас – тоже ничего. Вы даже не сказали, зачем взяли меня на работу.

Мне захотелось развернуться и уйти. В конце концов, у меня всегда был беспроигрышный вариант – выйти замуж за Штефана и забыть про все случившееся. Не думаю, что он так легко отступится. Вчера он выглядел раздосадованным, но не смирившимся, и букет мне пытался вручить до последнего.

– Линди, – ласково сказал Дитрих и успокаивающе положил руку мне на плечо, – поверьте, все будет хорошо. Если я об этом говорю, непременно позабочусь. И потом, у нас с вами сегодня в планах ужин, вы не забыли? Но ужином я вас накормлю только после менталиста.

– Если я буду в состоянии есть, – мрачно сказала я и храбро шагнула вперед.

– Будете, – уверенно сказал Дитрих. – Карл работает...

Он сделал странное движение сложенными пальцами, которое должно было выражать восхищение профессионализмом менталиста, к которому мы шли. Но разве будет профессионал работать на дому? А то, что это жилой дом, сомнению не подлежало.

– И почему я вас только послушалась? – проворчала я.

– Потому что поняли – меня бояться глупо, – ответил Дитрих. – Зачем мне вам делать что-то плохое, если мы только вчера познакомились?

– Может, это месть за то, что я вас чуть не стукнула папкой?

– Вот если бы стукнули, тогда – да, месть была бы страшной.

Он зловеще понизил голос, но я лишь рассмеялась. В самом деле, стирание памяти за неудачный удар – чрезмерное наказание. А человеку, у которого проблема с психикой, никогда не дали бы разрешения заниматься частным сыском. Но все же страхи до конца не рассеялись, и когда мы остановились у нужной двери, вернулись обратно. Но теперь Дитрих стоял чуть сзади, словно

намеревался перехватить меня сразу, как только попробую убежать. Но я даже не успела начать обдумывать планы побега. Дверь резко распахнулась, хотя мы даже не успели постучать.

– Наконец-то, – сказал хозяин жилища. – Дирк, что-то ты долго. Важное дело, важное дело, а сам не торопишься. Впрочем, – он окинул меня внимательным взглядом, – рядом с таким «важным делом» я и сам забыл бы о времени. Проходите, инорита.

– Карл, у меня с собой заключение Сыска, – сказал Дитрих, лишь только за нами закрылась дверь. – Но покажу я тебе его потом, после того как ты посмотришь Линду. Там есть несколько смущающих меня моментов, и я не хочу, чтобы они как-то повлияли на твое восприятие.

– Даже так? – Менталист выразительно поднял кустистую бровь, но развивать эту тему дальше не стал. – Инорита, проходите вот сюда, устраивайтесь поудобнее. Сейчас я первичный осмотр проведу, а потом будем думать, удастся ли восстановить стертое.

Кресло было удивительно мягким, обволакивающим, подголовник – словно создан для того, чтобы положить на него усталую голову и набраться сил. В другой день я бы в таком с удовольствием посидела, но сейчас напряжение пронизывало каждую клеточку моего тела. Казалось, даже волосы пытаются выбиться из прически и встать дыбом. Карл устроился за моей спиной и положил руки на виски.

– А артефакт для работы вам не нужен? – спросила я, вспомнив вчерашний поход к целителю.

– Мне – нет, – ответил он. – Закройте глаза и расслабьтесь. Больно не будет.

Пальцы у него были сухие и прохладные, от них шло легкое покалывание, немного щекочущее, но не болезненное. Неприятным его тоже назвать нельзя было. Продолжалось это недолго, менталист отнял руки и сказал:

– Так, выжигание действительно было очень грубым, у вас наверняка болела в тот день голова, инорита. И сильно болела. Так что вы наверняка можете точно сказать дату.

– У меня примерно неделю после смерти наставницы все как в тумане было, – виновато сказала я. – И голова болела все эти дни очень сильно.

Я чуть повернулась, чтобы посмотреть на Карла, когда с ним говорю. Дитрих стоял рядом и хмурился.

– Состояние шока? – Менталист обращался не ко мне. – Дирк, тогда твое предположение насчет кого-то, кому инорита доверяла, может не оправдаться. Вот более ранние воздействия могли идти только от того, кто был рядом постоянно.

– Более ранние? – удивилась я.

– Да, примерно год назад на вас кто-то очень аккуратно начал воздействовать вплоть до момента стирания. Можно сказать, ювелирная работа. Заметят только при специальном обследовании, и то если будут искать.

– В Сыске не заметили, – подал голос Дитрих.

– Если смотрел кто попало, мог пропустить.

– Ее сканировали на предмет запрещенной магии после смерти Вернер. Думаешь, могли кого попало взять? – Дитрих протянул приготовленный лист, по всей видимости, скопированный с заключения на мое обследование и ткнул пальцем в подпись.

– Интересное дело, – протянул менталист. – Ну-ка, ну-ка, что он тут понаписал?

Он быстро бегал глазами по строчкам и хмурился все сильнее. Меня его поведение пугало. И сказанные слова тоже. Теперь речь шла не об однократном стирании, а о постоянном воздействии.

– А постоянно... мне тоже что-то стирали? – внезапно охрипшим голосом спросила я.

– Нет, постоянно вам меняли отношение к чему-то, – небрежно бросил Карл. – Судя по подходу, действовали здесь два разных менталиста. Не мог тот, кто с ювелирной точностью, мягко, постепенно менял ваше сознание в нужном направлении, в последний раз так грубо сработать. Вы ему уже доверяли. Если бы ему что-то нужно было убрать, он скорее подменил бы одни воспоминания другими.

– Думаешь, менталистов было два? – спросил Дитрих.

– Не знаю, Дирк. Смотри. Если бы не стирание, следы мягкого воздействия были бы намного виднее, не исключаю, что по ним можно было бы найти автора. Одного или нескольких. Но после грубого вламывания они очень истончились, нельзя сказать, ни на что они были направлены, ни кто делал. Странно, что в Сыске этого момента не отметили... Но надо признать, заключение довольно поверхностное.

– Мне показалось, что меня тщательно сканировали, – растерянно сказала я. – Мне так плохо было после всего этого.

– Дирк?

– Есть у меня одно предположение, Карл, но тебе оно не понравится, – мрачно сказал Дитрих. – Попробуешь вытащить, что ей стерли? Может, что и прояснится.

Но ничего не прояснилось. Единственное, что удалось узнать, – был стерт кусок моего разговора с инорой Вернер на кафедре. Разговора, при котором никто не присутствовал, кроме нас двоих.

Глава 9

– Получается, память мне стерла наставница? – прямо спросила я у Дитриха, когда мы покинули квартиру его знакомого менталиста. – Но я не знала, чтобы она таким увлекалась. Впрочем, я и о ее занятиях запрещенной магией не знала, если таковые были.

Даже сейчас у меня оставались сомнения в причастности иноры Вернер. Предположим, в нашем разговоре было что-то, из-за чего мне убрали воспоминания. Но ведь других стираний не было, а не заметить что-то при условии, что я несколько лет очень близко с ней общалась, довольно сложно. Возможно, конечно, причиной была моя ненаблюдательность...

– Мне тоже не удалось найти никаких упоминаний о ее способностях к менталу, – ответил Дитрих. – Правда, это не значит, что их не было. Такие вещи тщательно скрываются. По разным причинам, не всегда криминальным. Жаль, что не удалось восстановить весь ваш разговор, возможно, тогда было бы понятно, из-за чего его потребовалось убирать. У вас есть какие-то соображения?

– Нет, – без тени колебания ответила я. – Судя по тем обрывкам, что всплыли, разговор шел о моем дипломе. Что такого криминального там могло быть, ума не приложу.

– Может, дело не в разговоре? – предположил Дитрих. – Увидели что-то?

– Может, – согласилась я. – Но теперь уже не узнать.

Да, я в этом окончательно уверилась. Если уж даже специалисту Дитриха не удалось восстановить больше, то узнать, что же там такого было, мне не суждено никогда. Было ужасно грустно, словно у меня украли кусок жизни, который никак не вернуть. И пусть, как мне говорили, он был для меня совсем не важен, если я даже не заметила, как его убрали, но это была моя жизнь. Так какого орка ею распорядился кто-то посторонний?

– Линда, не грустите.

– Я не грущу, я злюсь, – пояснила я. – Мне не нравится, ужасно не нравится, что кто-то влез без моего разрешения ко мне в голову и стал там все перекраивать по своему желанию. Это я не только про стирание. И про то, что что-то пытались поменять.

– В любом случае теперь все изменения ушли, – ответил Дитрих. – У вас есть защитный артефакт, а значит, больше никто к вам в голову не полезет. Во всяком случае, так, чтобы вы об этом не узнали.

– Но причина-то неизвестна, – возразила я. – И это меня тревожит, понимаете, Дитрих? Я не знаю, кто это делал, и начинаю подозревать всех. И Эмми, и Штефана, и свою умершую наставницу, и... даже вас, Дитрих, вас я тоже подозреваю, чего уж скрывать.

Он рассмеялся. Немного приглушенным, но таким заразительным смехом, что я невольно начала улыбаться, хоть и чувствовала себя необычайно глупо. Мне не нравилась ситуация, в которой я сейчас находилась, и не нравилось, что я никак не могу на нее повлиять. За то время, что уехала из дома, я привыкла, что моя жизнь зависит только от меня.

– Подозреваете, что я забыл про ужин? – уточнил Дитрих. – Не надейтесь. Как вы, кстати, себя чувствуете? Тошнота прошла?

– Ее почти не было, – пояснила я. – Даже странно, если учесть, как плохо мне было после сканирования в Сыске.

– Во-первых, с вами работал Карл, а он умеет делать все очень бережно, – пояснил Дитрих. – А во-вторых, в Сыске скорее всего старались вытащить воспоминание так, чтобы оно у вас не восстановилось. Вот и...

Мы шли по улице размеренным шагом бесцельно прогуливающихся людей, и мне подумалось, что сейчас мы стороннему наблюдателю напоминаем обычную парочку, болтающую о всяких глупостях, хотя речь шла о вещах довольно серьезных. Наверное, это и есть та самая «конспирация»?

– Вот довольно приличное заведение, – неожиданно сказал Дитрих, остановившись перед входом в полуподвальное помещение, над которым весело плясала в воздухе фантомная вывеска ресторана «Гаэррский плющ». В нем я не была ни разу. Со Штефаном мы часто ходили по разным местам, но все они относились к модным заведениям, в которых могли позволить себе ужин только обеспеченные люди. Штефан... Имеет ли он отношение к тому, что случилось в моей голове? Или я разлюбила его потому... потому что никогда не любила, честно призналась я себе. Мне льстили его ухаживания и настойчивость, льстило, что Эмми, да и не только она так восхищаются моим поклонником. Но сильного чувства не было никогда.

– Почему плющ? – спросила я Дитриха. – Здесь подают только растительную пищу?

– Обижаете, Линда. – Он аж передернулся от возмущения. – Стал бы я приглашать девушку туда, где нет мяса?

– Так для конспирации же, – напомнила я.

– Даже для конспирации не готов пойти на такую жертву, – чуть обиженно ответил он. – Всему должен быть предел. Незачем над собой издеваться без особой необходимости. Нет, с едой здесь все хорошо, вот увидите. У них такая фирменная отбивная! Ммм... – Он мечтательно поднял глаза, уперся взглядом в потолок и посмотрел теперь уже на меня. – Попробуете, поймете.

Отбивная действительно оказалась хороша. Сочная, благоухающая не только ароматом жареного мяса, но и специй, удачно подобранных местным поваром, она доказала, что Дитрих не зря вспоминал о ней с таким восхищением. Интересно, как многих он приводил сюда насладиться местной кухней? Неожиданно мне стало неприятно от мысли, что я с ним сюда пришла не первая и не последняя. Пришлось себе напомнить, что Дитрих – мой работодатель. Кого он сюда приводил и зачем, меня совершенно не касается.

– У вас так выражение лица изменилось, – заметил Дитрих. – Неужели что-то вспомнили?

– Нет, просто подумала о неприятных вещах, – несколько резко ответила я, пытаюсь подчеркнуть своим тоном, что они, эти вещи, его тоже не касаются.

– Не надо думать о неприятных вещах, – наставительно заметил он. – И вообще, такие мысли лучше заедать. Определились с десертом?

– Спасибо, но он будет уже лишним, – ответила я.

От десерта я отказалась не столько потому, что наелась, но и потому, что мне хотелось поскорее остаться в одиночестве, дойти до дома, закрыться и обдумать все, что сегодня узнала. Вопрос, кто же стер мне память и зачем, так и остался нерешенным. Менталист Дитриха не прояснил его ни на самую малость.

– А с собой?

На удивление, Дитрих выглядел расстроенным, хоть и старался этого не показывать. Неужели он за десертом рассчитывал меня еще расспросить про мои сложные взаимоотношения с окружающими? Во время ужина мы говорили о чем угодно, только не о том, что меня тревожит. Наверное, хотел, чтобы я расслабилась, а он так неожиданно – бац – и вопрос о... Вопрос о чем? О чем он мог меня спросить? Я несколько недоумевающе на него посмотрела.

– Линда, я вам предлагаю заказать здесь что-нибудь вкусное, но забрать домой, – пояснил Дитрих, решивший, что мое недоумение относится к его вопросу.

– Мне сейчас ничего не хочется, – честно ответила я.

Думать еще о каких-то десертах было выше моих сил. Да и на самом деле десерта мне не хотелось. Хотелось, чтобы этот бесконечный день наконец закончился.

– Тогда я закажу на свой вкус.

Мы молчали. Я опустила голову и рассматривала салфетку. Она была не столь интересна, но нужно же себя чем-то занимать? Впрочем, делала это я не слишком долго.

– Что вы заказали? – вяло любопытствовала я, после того как Дитрих о чем-то пошептался с официантом.

– Дома узнаете.

– Как это дома? – невольно возмутилась я.

– Так это, – передразнил меня Дитрих. – Вам же сейчас ничего не хочется.

Сейчас мне опять чего-то захотелось. А именно – стукнуть этого типа чем-то тяжелым. Мне и так плохо, а он еще издевается! Как назло ничего подходящего под рукой не было, даже папочку со списком блюд унесли, да и была она

слишком тоненькой, чтобы удовлетворить мое чувство мести в случае удачного попадания. До сих пор никто не вызывал у меня столь сильных чувств. Наверное, день выдался на редкость неудачный.

- О, глазки заблестели, - удовлетворенно сказал Дитрих. - Все же любопытство - главная движущая женская сила.

- Надеюсь, дальше нам в целях конспирации не придется нарезать круги по Гаэрре? - холодно ответила я. - На это моего любопытства не хватит.

- Так естественно. Оно вас потянет прямиком домой, чтобы вы смогли узнать, что же в этой коробочке. - Дитрих кивнул на подходящего с торжественным видом официанта, в руках которого действительно была картонная коробочка безо всяких опознавательных знаков, но перевязанная веселой оранжевой ленточкой с пышным бантом сверху.

- Сами понесете? - мстительно спросила я. - Бантик, несомненно, вам пойдет.

Я не понимала, что со мной творится. Хотелось безостановочно язвить, задевать своего спутника, чтобы он... Чтобы он что? Решил, что я достойна жалости и отвел меня к целителю, занимающемуся проблемами душевного здоровья? Нет, нужно держать себя в руках. Дитрих не виноват в моих проблемах, пусть мне временами и кажется, что он - совсем не случайное лицо в моей жизни.

- Предлагаете носить вам тортики как можно чаще? - не растерялся он. - Я подумаю над вашим предложением. Честно говоря, для одинокого мага по особым поручениям оно довольно заманчиво.

- Желаете лично охранять меня от возможных покушений? - отшутилась я.

- Так вы же дали отставку Эггеру, и вас теперь охранять некому. А у меня не так много секретарей, чтобы их судьба меня не волновала.

Дитрих невозмутимо придерживал одной рукой меня, второй - эту злополучную коробку, которая вылилась в столь странный разговор.

- Вы мне выдали ценный артефакт, - напомнила я.

- Ах да, он тоже нуждается в охране. - Дитрих мне подмигнул. - Не волнуйтесь, на его охрану меня тоже хватит.

- Извините, - я потеряла виски, - со мной происходит что-то странное.

- Линда, выпитесь, и все в норму придет, не переживайте. Это издержки работы менталиста. Вам просто нужен отдых, - серьезно ответил он мне. - Но не мог же я сразу отвести вас домой? Вы бы легли спать на голодный желудок, и вам снились бы плохие сны.

- Они мне и без этого будут сниться, - вздохнула я. - Давайте ваш десерт.

- Нет уж, обещал донести - донесу. Вдруг потеряете по дороге. Или сами потеряетесь.

У меня на кончике языка опять завертелся едкий ответ, но я его прикусила. Нечего моему плохому состоянию портить мои отношения с единственным работодателем. А то потерпит раз-другой, да и останусь я опять без работы. Кому понравится, когда ему постоянно хамят и пытаются чем-то стукнуть? И это в ответ на проявление заботы. До моего дома недалеко, дойду и с прикушенным языком, чтобы не забыть и не ляпнуть опять что-то неподходящее. Но о своем решении я пожалела, лишь только мы подошли к дому. Потому что при виде Штефана, невозмутимо дожидавшегося меня у подъезда, зубы сомкнулись, я еле успела отдернуть язык, а то бы прокусила до крови, не меньше.

- Линда, где ты ходишь? Я тебя уже больше часа жду.

Штефан демонстративно не заметил Дитриха и попытался опять мне вручить принесенный букет. Как ни странно, букет был не вчерашний, с которым неудачливый жених так и ушел.

- Зачем ты меня ждешь?

- Мы вчера не договорили. Твоя наглая подруга не дала нам такой возможности.

- Я вчера сказала тебе все, что хотела. Другого от меня ты не услышишь.

– И все же, дорогая, удели мне время. Нам есть о чем поговорить. Seriously поговорить. И без свидетелей.

Казалось бы, его слова должны были меня заинтриговать, но я внезапно поняла, что все, что может сказать Штефан, для меня намного менее интересно, чем то, что находится в коробке у Дитриха в руках. А если мне неинтересно, то к чему этот бессмысленный разговор? Наверное, Дитрих прав, и любопытство – действительно женская движущая сила, но сейчас оно властно тянуло меня в сторону от Штефана.

– Извини, Штефан, но нет, – твердо сказала я. – У меня другие планы на этот вечер. И на то время, на которое ты претендуешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bronislava-vonsovich/v-pautine-chuzhih-zaklinaniy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)